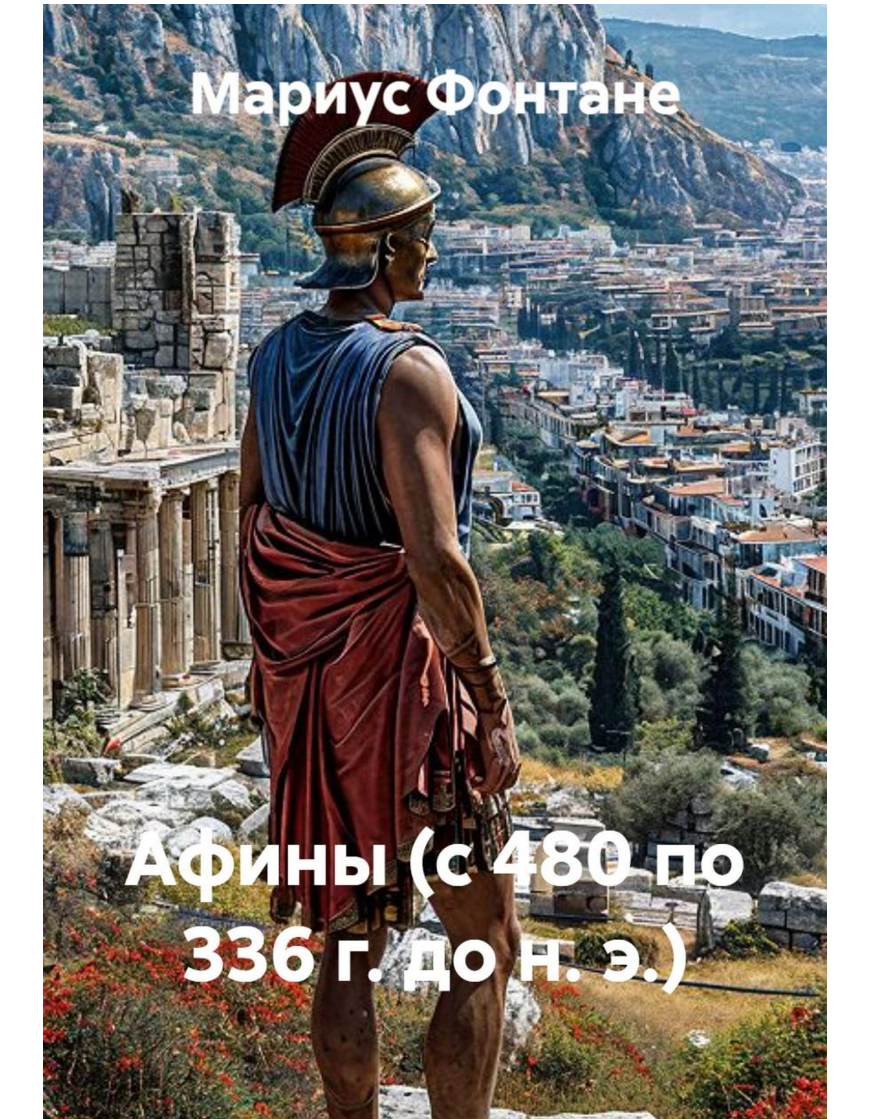

Мариус Фонтане

**Афины (с 480 по
336 г. до н. э.)**

Мариус Фонтане

Афины (с 480 по 336 г. до н. э.)

<https://litres.ru/74340228>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Афины (с 480 по 336 г. до н. э.)» Мариуса Фонтана — масштабное историческое полотно, охватывающее ключевой период в истории Древней Греции: от вторжения Ксеркса и Саламинской битвы до битвы при Херонее и возвышения Македонии. Автор подробно рассматривает расцвет афинской демократии при Перикле, Пелопоннесскую войну, кризис полиса и потерю независимости. Помимо политических событий, Фонтан воссоздаёт культурную и социальную жизнь Афин: архитектуру, театр, философию, религию, быт и нравы. Книга сочетает научную основательность с живым, образным стилем и предназначена как историкам, так и широкому кругу читателей.

Содержание

Предисловие.	4
ГЛАВА 1. — 480 г. до н. э. — После Фермопил.	7
ГЛАВА 2. — С 480 по 479 г. до н. э. — Аристид, главнокомандующий.	22
ГЛАВА 3. — С 480 по 466 г. до н. э. — Ксеркс погибший, презираемый.	35
ГЛАВА 4. — С 479 по 457 г. до н. э. — Новые афиняне.	47
ГЛАВА 5. — С 457 по 445 г. до н. э. — Артаксеркс I Долгорукий.	62
ГЛАВА 6. — С 445 по 429 г. до н. э. — Перикл.	77
ГЛАВА 7. — С 445 по 429 г. до н. э. — Афинская Империя.	90
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Мариус Фонтане Афины (с 480 по 336 г. до н. э.)

Предисловие.

Предлагаемая вниманию читателей книга «Афины (с 480 по 336 г. до н. э.)» принадлежит перу французского историка и писателя **Мариуса Фонтана** (Marius Fontane, 1838–1914).

Мариус Фонтан — фигура в своём роде примечательная: он совмещал в себе государственного деятеля, коммерсанта и плодовитого литератора. Он занимал высокие административные посты, в частности служил генеральным секретарём Компании Суэцкого канала, что нашло отражение в его глубоком интересе к истории цивилизаций Востока и Средиземноморья. Литературное наследие Фонтана обширно и включает не только романы и путевые заметки, но и монументальные исторические труды.

Наибольшую известность ему принесла грандиозная серия «Histoire universelle», в рамках которой он предпринял попытку проследить пути развития человечества от древнейших времён до современности. Настоящая работа является частью этого масштабного замысла и посвящена одному

из самых блистательных и драматичных периодов в истории Древней Греции.

Книга охватывает чуть более века: от великого нашествия Ксеркса и Саламинской победы (480 г. до н. э.) до битвы при Херонее (338 г. до н. э.) и кануна походов Александра Македонского. Это время наивысшего расцвета афинской демократии, её «золотого века» при Перикле, эпоха Парфенона, Эсхила, Софокла, Сократа и Платона — но вместе с тем и время губительной Пелопоннесской войны, внутренних смут и постепенной утраты независимости перед лицом усиливающейся Македонии.

Особенность подхода Фонтана состоит в том, что он не ограничивается пересказом военных и политических событий, которым, впрочем, уделено самое пристальное внимание. Автор стремится воссоздать живой облик эпохи во всей её полноте: он подробно описывает памятники архитектуры и скульптуры, религиозные культы и мистерии, театральные представления и философские школы, семейный уклад и положение женщин, развитие ремёсел и морской торговли. Он размышляет о причинах взлёта и упадка Афин, анализирует характеры выдающихся личностей — от Фемистокла и Аристиды до Алкивиада и Демосфена.

Стиль автора отличается живостью, образностью и публицистической страстностью. Фонтан не бесстрастный летописец: он открыто выражает свои симпатии и антипатии, восхищается афинской свободой и искусством, но не скрывает

и тёмных сторон афинского общества — коррупции, политической нестабильности, морального разложения, которые, по его мысли, и привели город к катастрофе. Он рассматривает историю Афин как великую драму, столкновение идей, мировоззрений и цивилизаций — эллинского духа с восточным деспотизмом, демократии с олигархией, наконец, независимости с неизбежностью объединения перед лицом новых исторических сил.

Книга Фонтана — это не просто историческое исследование, но и увлекательное, почти романное повествование, которое будет интересно как специалистам-историкам, так и всем, кто хочет погрузиться в атмосферу Древних Афин и понять истоки европейской цивилизации.

ГЛАВА 1. — 480 г. до н. э. — После Фермопил.

480 г. до н. э. — После Фермопил. — Вторжение Ксеркса. — Фессалийцы. — Дельфы и Великий царь. — Афины и их союзники. — Патриотизм афинян. — Возвращение изгнанников. — Взятие Афин и сожжение Акрополя. — Фемистокл. — Саламинское сражение. — Аристид на Пситталии. — Отступление Ксеркса. — Афинский флот. — Спарта, город-владыка

БЕСПОРЯДОЧНОЕ полчище народов, которое Ксеркс гнал перед собой ударами бича и подгоняли маги Мидии, только что перешло Фермопилы. Распятие трупа Леонида и прославленное геройство лакедемонян, сражавшихся, как дикие вепри, вполне удовлетворяли Спарту; Фивы, подстерегавшие падение Афин, потеряв несколько беотийцев убитыми у Тёплых Ворот, предавали Элладу; Аргос, Керкира, Крит и Сиракузы, не сдержав обещания, остались в стороне; Дорида, Фокида, Локрида и Эвбея объявляли себя неспособными действовать; фессалийцы, скомпрометированные своими вождями-аристократами, связанными с Великим царём, шли вместе с мидянами; одни лишь Афины стояли с оружием перед захватчиками.

Ксеркс, глядя на юг мрачным и кровавым взором, созна-

вая цену своей победы, устрашённый, разъярённый, становился варваром. Дикая тупость мидян, сорвавшаяся с цепи, бросала вызов грекам. Видение Эсхила сбывалось: Ястреб, стремительно бросаясь на быстрых крыльях, рвал когтями голову орла. Нашествие было для идущих орд уже не более чем завоеванием плодородной страны; для Ксеркса — местию, которую нужно было удовлетворить, позором, который нужно было навлечь на Элладу: народы, которые нас не оскорбляли, равно как и те, что виновны перед нами, понесут ярмо рабства.

Эта угроза порабощения, благодаря грекам Афин, спасла Элладу. Ибо ужас парализовал силу эллинов. Говорили о воле богов, толкающих персов на штурм стен; говорили, что сила Юпитера пребывает в Ксерксе.

Афиняне хотели оставаться свободными: Какой вождь ведёт афинян и начальствует над войском? — спрашивает Атосса. Они не рабы ни одного человека и не подчиняются никому, — отвечает хор старцев.

Носильщики поклажи и вьючные животные шли впереди, и орда, только что перешедшая Фермопилы, устремлялась к Фивам. У Фермопил трусость фиванцев поразила Ксеркса; после битвы он не мог не презирать их — столь низкой была их покорность.

Ведомые аристократами Фессалии, Алевадами, через три дня после перехода через Фермопилы захватчики опустошили долину Кефиса. К войску присоединились аркадяне. То

на великолепно украшенной колеснице, то на наёмной повозке Ксеркс упивался резнёй. Мидийское вырождение коснулось персов; уже нельзя было отличить — даже по одежде — иранца от туранца: войлочные шапки заменили тиа-ры; короткие дротики, огромные луки, гибкие стрелы, мечи, привешенные к поясу и опирающиеся на правое бедро, составляли единообразное снаряжение. Время от времени, испуская магические вопли, жрецы Мидии приносили жертвы.

Фокидяне, ненавидевшие фессалийцев, осмелились сопротивляться, и Ксеркс безжалостно приказал разрушить города Фокиды. Храм Аполлона был разграблен и снесён до основания. У Панопея, в Беотии, Ксеркс отделил от войска отряд, который направился к храму в Дельфах; затем он двинулся на Афины.

Питая в сердце ненависть к демократиям, дельфийские жрецы отговаривали от сопротивления, несмотря на обязательство, взятое эллинами, отделять десятину добычи ко-соглазому богу. Именно Дельфы помешали критянам идти сражаться при Фермопилах; именно в Дельфы Гелон Сиракузский отправил сокровища, предназначенные Ксерксу-победителю. Жрецы Аполлона не понимали формирования эллинской народности. Гелон был лишь благоразумен, ибо защищал Сиракузы от карфагенян, которых поддерживал Ксеркс; Дельфы были последовательны, так как бог пифии, Аполлон, был азиатским.

Позднее рассказывали, будто когда мидяне выступили из

Панопея и стали угрожать Дельфам, дельфийцы, отправив свои семьи в Ахайю, укрылись на высотах Парнаса; будто жрецы, застигнутые врасплох, вынуждены были бежать, бросив все сокровища бога; будто орда, войдя в покинутый, безмолвный город, задрожала от тайного ужаса. Когда была пройдена ухабистая тропа, ведущая к храму, священное оружие, положенное на пороге открытых дверей, устрасило воинов; небо вмешалось, гроза разразилась громом; два огромных утёса, оторванные бурей, обрушились на первый ряд святотатцев; страх победил азиатов, и святилище было пощажено?

Ксеркс, запретивший своему войску осквернять священную рощу Ахайи, сам туда не пошёл. Мог ли он тронуть храм в Дельфах? Но из-за эллинов мог ли он, пощадив бога, сделав вид, что не знает о его сокровищах, скомпрометировать служащих ему жрецов Аполлона? Живописный рассказ о великой опасности, которой подверглись Дельфы перед Ксерксом, — всё, что мы знаем об этой тонкой комедии.

Беотия была покорена, кроме Феспий и Платей, жители которых бежали, и города эти были сожжены; равнины, ошетилившиеся железом, вернулись к спокойствию смерти. Войско Ксеркса, неодолимое, стало лагерем перед Афинами, которым ни один народ Эллады не собирался идти на помощь. Спартанцы, надменные и бесчувственные, смирились с потерей Аттики и занимались защитой Пелопоннеса, строя стену поперёк Коринфского перешейка.

В Афинах Фемистокл обещал победу. Арийский гений, невозмутимо логичный в своих кажущихся безумствах, осознавал свою миссию. Мысль противопоставить несколько тысяч греков потопу людей его не смущала. Жрецы, повинувшись Фемистоклу, уверяли благочестивых, что боги благосклонны к афинянам, и позволяли рассказывать — из-за огромного впечатления, которое это производило на умы, — будто священный змей Минервы, столь благочестиво вскармливаемый в храме медовыми лепёшками, исчез. Поэты возвещали освобождение Эллады; Симонид воспевал битву.

Фемистокл стал единственным стратегом. Его упорному гению оставалось лишь осуществить план, которому было уже десять лет: отдать город и страну, чтобы спасти государство. Он сумел вырвать у дельфийской пифии оракул, достаточно благоприятный для его замыслов: — Когда всё будет покорено, Зевс дарует Афине то, что одни лишь деревянные стены будут неприступны. Фемистокл хотел, чтобы все афиняне, покинув город, пересели на корабли. Сто двадцать семь трирем были вооружены, и пятьдесят три спешно готовились к спуску на воду.

Всадники взошли на корабли. Кимон, сын Мильтиада, придя в храм Паллады, повесил уздечку на алтарь. Народ передал все полномочия ареопагу, и ареопаг приказал эвакуацию. Вынужденные мидянами стать мореходами, по выражению Фукидида, афиняне упражнялись в гребле в заливе,

перед суровыми берегами Саламина. Лишь старики, по-своему толкуя оракул косоглазого бога, укрылись в Акрополе, огородив подступы к нему частоколом.

Афины опустели; Саламин стал для афинян Акрополем; ареопаг издал торжественное постановление, вновь открывающее изгнанникам двери родины. Флот едва успел собраться, как пришла весть о сожжении Феспий и Платей и о неминуемом падении Афин.

Через четыре месяца после выхода из Азии Ксеркс был у подножия Акрополя — крутой скалы, как полагали, неприступной, которую ещё защищала древняя пеласгийская стена. Члены семьи Писистратидов находились при Великом царе, готовые принять из его рук утраченную власть. Ярость Ксеркса угрожала храму. Защитники богини тщетно умоляли Писистратидов заступиться за священное место; варварская орда, ставшая лагерем к северо-западу, метала стрелы с горячей паклей на частокол, преграждавший ворота. Старик бросали в осаждающих огромные камни. Отряд персов, потеряв терпение, попытался взобраться с севера, со стороны храма, по отвесной скале, которая поэтому не охранялась. Застигнутые врасплох, отчаявшиеся защитники бросились в храм. Ни один не был пощажен. Древний Парфенон снесли, Акрополь разграбили, статуи опрокинули, изуродовали, перебили в коленях и закопали, и пожар довершил разрушение.

Несколько изгнанников, пришедших вслед за Ксерксом и

бывших свидетелями этих событий, принесли посреди развалин оскорблённой богине искупительную жертву. Позднее распространяли, как утешительную сказку, будто сожжённая олива Паллады пустила новые побеги.

В Саламине, на острове, кормящем пчёл, Фемистокл держал совет, созванный Еврибиадом. Пелопоннесцы хотели идти защищаться к Коринфу, увеличивая тем самым гибельные последствия поражения в Саламинском заливе. Фемистокл не допускал поражения и добавлял, что покинуть Саламин — значит лишиться важной помощи Мегары и Эгины. Вожди спорили яростно, когда пришла весть о разрушении Акрополя. Одни отплыли на всех парусах; другие, оставшиеся, требовали отступления к Коринфу. Вождь союзников, спартанец Еврибиад, страшился Фемистокла; коринфянин Адимант использовал против Фемистокла страх пелопоннесцев, эгоистичную непредусмотрительность спартанцев. Но Фемистокл не уступал; он пускал в ход все средства своего искусства, всё обаяние своего гения, всю силу своего ума, чтобы подготовить и обеспечить исполнение своего замысла — бесспорно спорного, быть может, безумного, но защищённого перед историей чудовищным доводом: успехом.

Ксеркс, несколько обеспокоенный, задавал вопросы, допустив царя Сидона на первое место в своём совете, а царя Тира — на второе. Немедленное нападение на афинский флот советовали все, кроме царицы Галикарнаса Арте-

мисии, чья храбрость равнялась её благоразумию. Персидско-мидийское войско получило приказ выдвинуться вперёд, чтобы действовать согласованно с флотом.

Фемистоклу не удавалось убедить своих союзников. Еврибиад, истый спартанец, страшился своей ответственности, Адимант, истый коринфянин, доходил до брани, отстаивая своё мнение; Фемистокл, сначала красноречивый и рассудительный, стал грозен и устранил Еврибиада, угрожая покинуть Элладу коринфянам и уйти самому с афинянами в Италию: Вот Афины, — сказал Фемистокл, указывая на свои двести вооружённых, готовых, трепещущих трирем.

Мидяне бесчисленными толпами надвигались; пелопоннесцы, несмотря на доводы Еврибиада, только что одобrivшего сражение, настаивали на отступлении. Фемистокл, уверенный в своих морях, сделал отступление невозможным, заперев греков в заливе, и так, что спасение их зависело единственно от победы.

Элевсинский залив, зажатый между островом Саламином и берегом, сообщается с морем лишь двумя проливами, один из которых имеет менее тысячи метров ширины, другой — менее двух тысяч. Фемистокл, хитра, отправил воспитателя своих детей Сикинна, перса по рождению, к Ксерксу, чтобы сказать ему, будто греческие вожди, завидуя друг другу, пребывают в раздоре и большинство готово сдаться при первом появлении персидского флота. Обманутый Ксеркс приказал своему флоту идти и запереть греков в заливе.

Фемистокл говорил, затягивая прения совета. Аристид, возвращённый из изгнания, только что проложивший себе путь сквозь врагов, чтобы скорее исполнить свой долг, рассказал о решающем манёвре Ксеркса. Бой был неизбежен.

Греческий флот насчитывал 378 кораблей, в том числе 200 афинских; мидийско-персидский флот — 1000 парусов. До наступления ночи западное крыло персидского флота подошло к Саламину, восточное — к Мунихию, а отряд войск занял Пситталию. Греческий флот в заливе не мог быть ни обойдён, ни окружён — его защищали мысы саламинского берега, — но был как бы блокирован: флот Ксеркса, этот лес широкого моря, по выражению Эсхила, преграждал, закрывал выходы.

У подножия горы Эгалея Ксеркс велел поставить свой трон на серебряных ножках на возвышении, откуда его взор мог охватить всё зрелище его победы. Перед глазами он видел свой флот, правильно выстроенный дугой от входа в Пирей до северо-восточной оконечности острова Саламина; напротив — греческий флот, повёрнутый носами к Саламину. Сухопутные мидийские войска подходили беспорядочные, тяжёлые, мрачные, как грозовые тучи. Вокруг себя, у ног, Ксеркс поставил писцов, которым надлежало записывать под диктовку владыки имена храбрецов и имена трусов. С наступлением чёрной ночи греки, спокойные, тревожные, повторяли последние речи Фемистокла; мидяне, уверенные в успехе, с вёслами, привязанными к банкам, предавались от-

дыху.

На рассвете — это было 19 боэдромиона (20 сентября), священный день, день Вакха, когда обыкновенно изображение бога перевозилось в Элевсин через залив, — афинский корабль вонзил свой таран в борт финикийского судна. Моряки Ксеркса тотчас устремились освободить корабль, и бой начался. Огромный клич, звучащий, как священное песнопение, поднялся над греческим флотом при звуках труб. Напор персов, устремившихся на греков, был неистов. Ксеркс, величественный и прекрасный, видел, как греки отступали, но в тревожном порядке, носами к врагу, тогда как персы колебались. Те с самого начала атаки не доверяли своим ионийским союзникам, действовавшим вяло.

Афинские триремы, с двумя рядами гребцов, хорошо управляемые, лёгкие, разумные, рассчитывали свои удары; персидские корабли, тяжёлые, с тремя рядами вёсел, плавающие дома, наполненные войсками, запутывались, сталкивались друг с другом, и моряки принимали неловкость за измену: египтяне в кольчужных шлемах, с выпуклыми щитами, путались в своих больших секирах и длинных мечах; ликийцы с кизилowymi луками, с неоперёнными тростниковыми стрелами неуклюже орудовали своими косами; киликийцы с щитами из бычьей кожи, потрясая огромными копьями, поражали греков, лишь оглядываясь назад, не предадут ли их кавнии, эти сомнительные союзники, или киприоты, чьи лбы были обвиты тюрбанами, или ионийцы с островов, сна-

ряжённые как греки, или, наконец, сирийцы, чьи щиты без окантовки плохо прикрывали льняные панцири. А когда разбитый персидский корабль хотел выйти из битвы, было видно, как моряки прокладывали себе путь к отступлению, обращая оружие против собственных друзей, естественно сталкиваясь друг с другом медными носами.

Пользуясь этим беспорядком, греки сокрушали персов ударами обломков и кусков дерева; поток персидского войска был отброшен. Слева афиняне вели бой ожесточённо; справа эгинеты преграждали бегство побеждённых, наметавшееся к Фалеру.

Около полудня западный ветер усилил смятение в рядах персов. Греки, не зная усталости, поражали врагов со всех сторон ударами сломанных вёсел и гребных банок. Стенания побеждённых были ужасны среди разбитых судов. Поражаемые азиаты, не умея плавать, гибли от малейшей раны, подхваченные грозным морем; их растерзанные тела стали добычей немых рыб. Многие вожди погибли на глазах ошеломлённых воинов: Артембар, вождь бесчисленных всадников; Тенагон, герой бактрийцев; Арктей, пришедший от истоков Нила; мирионтарх Мателл из Хрисы, чья рыжая, густая и щетинистая борода окрасилась пурпуром его крови; и среди стольких других, все прославленные, — Тарибис, водивший пять раз по пятьдесят кораблей, муж прекрасный.

Ещё два часа после окончания дня, при луне, освещавшей залив, греки продолжали резню, покрывая волны обломками

и плывущими трупами. Артемида-Мунихия отныне праздновала годовщину саламинской победы.

Итак, пока афиняне, с Эсхилом среди сражающихся, прибавляли славу Саламина к славе Марафона, соединяя имя Фемистокла с именем Мильтиада, Аристид на острове Пситталиа истреблял отборных персидских воинов, которых Ксеркс сосредоточил там в резерве. — Если бы я обитал в стенах, что защищает Минерва, — писал Пиндар, — имя Саламина, воспетое в моих стихах, снискало бы мне благосклонность афинян. Саламин! Киферон! славные имена, навеки памятные места, где мидянин увидел сломленной свою воинскую дерзость.

Ксеркс теперь боялся своих союзников. Финикийцы ушли в ту же ночь, без приказа. Мардоний, полководец Великого царя, устрашённый страхом своего владыки, советовал отступление. Трусливо Ксеркс повиновался и, не смея бежать морем, ещё усугубил своё поражение. Персидский флот покинул Фалер; греческий флот преследовал его, но не настиг.

Мардоний, чьё честолюбие было благоразумно, знавший нерешительный нрав и приступы гнева Великого царя, остерегался говорить, что, за исключением отборных воинов, перебитых на Пситталиа, войско азиатов было почти нетронутым. Помышляя создать для себя европейскую сатрапию, он принял на себя всю ответственность за поход и обещал Ксерксу завоевание Эллады, лишь бы ему оставили войско. Он польстил уязвлённому тщеславию своего владыки, ука-

зав, что финикийцы, киприоты, ионийцы и египтяне были настоящими побеждёнными, ибо персы не участвовали в бою; он сказал, что главная цель похода достигнута, поскольку Афин больше не существует. Ксеркс, следуя совету Мардония, двинулся обратно к Фессалии со своими ордами.

В Фессалии Мардоний дал Великому царю шестьдесят тысяч человек для обеспечения его пути до Геллеспонта, оставив себе персов, мидян, саков, бактрийцев, индийцев и всадников. Ксеркса вёл Форак, а охранял Артабаз. Зима наступила рано; воды Стримона замёрзли; голод и холод косили побеждённых на дороге в Азию. После сорока пяти дней пути по враждебной стране, намеренно лишённой продовольствия, уцелевшие добрались до Геллеспонта, где ждал флот. Буря разрушила мост, по которому Ксеркс рассчитывал переправиться в Азию. Для переправы послужили корабли. Варвары, выдержавшие муки отступления, погибли от излишеств всякого рода, которые предложила им изобильная Азия после перехода через теснину у Абидоса.

Ксеркс немедленно поспешил к Сардам, не без того, чтобы не слышать слухов о мятеже, волновавшем Ионию. Через восемь месяцев после выступления на завоевание Европы царь возвращался с войском разбитым, униженным, неспособным более ни к какому предприятию, а сам он спас лишь свой колчан, вместилище своих стрел. — О персы, — говорит Ксеркс у Эсхила, — будьте ко мне снисходительны, если видите меня переменчивым в моих замыслах.

В тот самый день, когда азиаты Ксеркса были разбиты при Саламине, сиракузянин Гелон близ Гимеры разбил триста тысяч карфагенян, этих азиатов северной Африки. Народы Азии ускользали из-под власти мидянина; порабощённые народы стряхивали своё рабство; царская власть умерла, азиат жалко падал на колени; страна Эллада утвердила себя. Имя Саламина, горькое для слуха, символизировало победу Европы, одержанную благодаря славным Афинам; Афины торжествовали! И очевидно, сравнивали личный героизм Леонида, оставшийся бесполезным из-за спартанцев, с прозорливостью Фемистокла, великолепно понятой и поддержанной афинянами. Было ясно, что спасение греков зависело от афинского флота, и все знали, что этот флот задумал и создал один Фемистокл.

Но если Спарта в целом, медлительная и подозрительная, скомпрометировала себя при Саламине своим бездействием, как уже уклонилась от Марафона, то Афины, покрытые славой, плохо воспользуются своими успехами. Чтобы занять сильно возбуждённых моряков, Фемистокл повёл флот к Кикладам, требуя штрафы, наложенные им на города, не выступившие на стороне греков. Осаждённый Андрос не сдался. Флот вернулся к Саламину с собранными штрафами, часть которых осталась в руках Фемистокла, столь же алчного, сколь и дерзкого.

Победа Афин дала безопасность, и эллинский дух, составленный из стольких разнородных, противоборствующих

щих, непримиримых духов, проявился при освящении успеха. После того как была выделена доля богов — трирема саламинскому Аяксу, трирема Палладе Сунийской, трирема коринфскому Нептуну, — и выбраны дары, предназначенные Аполлону Дельфийскому, эгинеты при разделе были обласканы, дабы Афины не имели в глазах народа всей заслуги победы. Дельфийские жрецы, усугубляя несправедливость, воздвигли в храме бронзовую корабельную мачту с тремя золотыми звёздами, приписав день Саламина эгинетам.

Сами афиняне, нерассудительные, беспечные, поддались этому впечатлению; вопиющая безнравственность Фемистокла, очевидно, стесняла его защитников: он был обойдён наградами; он не наслаждался рукоплесканиями, когда хор юношей, ведомый Софоклом, прославлял торжество афинян.

Спарта, которая, напротив, так умела, когда опасность миновала, использовать человеческие страсти и особенно эллинские слабости, поспешила присудить Фемистоклу тот же оливковый венок, что получил Еврибиад; она прибавила к нему великолепную колесницу за его беспримерную прозорливость. И когда Фемистокл, осыпанный почестями, покидал Спарту, триста юношей сопровождали его до Тегеи. Так Спарта, вышедшая из войны и ненавидимая эллинами, спасённая Афинами, присваивала себе право венчать победителя, являла себя Элладе городом справедливым и верховным.

ГЛАВА 2. — С 480 по 479 г. до н. э. — Аристид, главнокомандующий.

С 480 по 479 г. до н. э. — Аристид, главнокомандующий. — Афины восстановленные, подозреваемые. — Финикийцы. — Фивы и Аргос. — Арийцы Афин. — Дело дорийцев. — Эллины. — Персы в Аттике. — Битва при Платеях. — Смерть Мардония. — Празднества Свободы. — Битва при Микале. — Европа, Азия и Африка. — Народы и цари.

КАК ТОЛЬКО Аттика была освобождена от орд Ксеркса, афиняне вернулись в свой Город. Там и сям оставались лишь те немногие дома, где укрывались главные персидские военачальники.

Все возвратившиеся беглецы принялись за восстановление крепостной стены, почти разрушенной; остатки сожжённых памятников, обломки разбитых статуй — всё пошло в дело. И пока зрелище этих руин и лихорадочное возбуждение деятельного труда на время отвлекали умы от воспоминания о славной победе при Саламине, посланцы Дельф довершали подрыв влияния Фемистокла. Весной афиняне назначили Аристида главнокомандующим с чрезвычайными полномочиями.

Прочие эллины, которым торжество афинян было не по

душе, превозносили мудрость победителей и их искусство, оставляя под сомнением их силу; так что спасители Эллады, те, кто только что одержал победу ради Народа, видели, как вокруг них смыкается одиночество; и они сами как бы приобщились к этой неблагоприятности тем, как обошлись с Фемистоклом. Победоносные Афины стали подозрительны; страшились их владычества; сожалели, что они сражались за свободу греков; спрашивали, не предпочтительнее ли было бы владычество Ксеркса господству Града Кекропа?

Главное дело Фемистокла — созданный афинский флот, освящённый победой, — тревожило пелопоннесцев.

Афиняне, однако, были неспособны навязать своё господство Элладе. Неудачно расположенные, почти на краю бесплодной Аттики, возросшие Афины не могли обеспечить даже собственное существование. Открытые переселенцам со всех сторон и легко доступные с севера для вторжения, Афины были одновременно и слишком континентальными, и слишком приморскими. Если бы мы были островитянами, — напишет Фукидид, — какая сила была бы неприступнее!

Смешение народов, уже совершившееся под покровительством Паллады, отдавало будущее Города всем последствиям неувовимого космополитизма. От знаменитой расы древних пеласгов что осталось? Эти древние люди ушли — одни в Троаду через Фракию, другие морем — на острова или в Италию. Афины, принявшие цивилизацию Египта, гордившиеся тем, что они — Земля Кекропа, наводнённые фини-

кийцами, становились Вавилоном, привалом, перекрёстком, где встречались мореходы и купцы всех рас.

Финикийцы, эти обрезанные кукушки Аристофана, обольстительные и деятельные, принесли арийцам вместе с практикой обмена и началом вознаграждаемого труда счёт — эту «науку порядка». Суровые ахейцы Эллады переняли ремёсла, божества и нравы финикийцев Тира и Сидона. Решеф-Микал киприотов стал Аполлоном-Амиклом греков. Герои, мифы, боги и культы азиатской Финикии пришли в Элладу вместе с письменностью, мерами, весами и орудиями.

Фивы, насквозь финикийские, подчёркивали свою азиатскость; тиран Пенфей отменил там культ Вакха; потому и новое племя древнего Кадма отдалось Ксерксу. Когда варвар нёс всем рабство, говорит Фукидид, фиванцы были с ним.

Аргос, более египетский, чем Афины, повествует нам своей легендой об Ио, корове с безупречным потомством, как эфиоп гибельный, свирепый, ненасытный в битве, пришёл нарушить превосходное творение Юпитера.

Познакомив с существованием Греции скандинавов, у которых они добывали золотой янтарь, и став, таким образом, виновниками нашествий с Севера, финикийцы тем временем повсюду сеяли в Элладе свои разрушительные семена. Они обходили земли, портили нравы, смешивали языки; уходили, распространив свою гниль, или оставались, проникая повсюду. От фессалийцев, некогда столь гордых

своей независимостью, столь верных своему слову, чьи вожди-аристократы, пришедшие из Азии, пособничали мерзостям Ксеркса, до ионийцев Карики, перенявших варварский язык, — финикийское влияние было всеобщим. Метисы смуглых хананеев и очень белых арийцев Ливии, которых в финикийских городах называли бастулами, уже были многочисленны в Афинах.

Впрочем, финикийцы — суровые и раболепные, мрачные и жестокие, развращённые и кровожадные, себялюбивые и алчные, неумолимые и вероломные — смягчались от соприкосновения с греками, в конечном счёте хозяевами Аттики. Арийцы Афин переняли у финикийцев их искусство двуличия, их вкус к чрезмерным наслаждениям, к злоупотреблениям всякого рода и их неугасимую жажду наживы, как научились у скандинавов и финнов опьяняться мясом и вином, захватывать насилием или хитростью чужое добро; они сохранили — порой навязывая её своим растлителям — глубоко укоренившееся отвращение к чужеземному господству, пылкую любовь и глубокую нежность к свободе.

Пороки Азии, завезённые и распространившиеся в Элладе, ослабляя характеры, расслабляя людей, готовили их подчинение владыкам, соблазнителям, которые сумеют вести их и использовать. Энергичные, властные дорийцы, покоря или оттесняя тех, кто им сопротивлялся, способствовали рассеянию различных племён по Элладе. Они приносили догму всемогущего Государства. Но так же, как греки, раз-

вращённые азиатами, сохранили страсть к Свободе, так, вопреки дорийцам, эллины не приняли идею всеобщего, национального устройства. Племена (филы) оставались обособленными; Города не сливались с округой; Фиванская земля всегда отличалась от Земли Афины; каждый Город сохранял свои границы.

Пеласги и лелеги, порабощённые, хранили в глубине души неистребимое — это стало ясно много позже — чувство своего человеческого права; но дорийцам удалось навязать им молчание, и греческий дух, по крайней мере в своих проявлениях, исчез. Из-за азиатов Эллада разучилась добросовестности; из-за северян эллины стали верить только в силу. Вскоре мирный арийский земледелец принялся жать и собирать виноград с копьём в руке! Это и породило всеобщее движение к победоносному Ксерксу: одни понимали лишь право войны, другие видели мир только в полном подчинении победителю. Фемистокл великолепно понял эту слабость, когда навязал афинянам победу, заперев их в Саламинском заливе.

В действительности Эллада становилась дорийской: Мы — рабы на дорийской земле, поёт хор у Еврипида; и трагик вкладывает в уста своего Геракла эти верные слова: Когда основания племени заложены непрочно, дети неизбежно будут несчастны. Азиатская деморализация Эллады достигла таких успехов, что в ней прославляли день Саламина, тогда как половина родины ещё оставалась в руках захватчика.

Когда Ксеркс начал своё отступление, Спарта попыталась с показной торжественностью потребовать у Великого царя возмещения за убийство Леонида при Фермопилах. Посланный глашатай принёс лишь новое свидетельство наглости Ксеркса, и Спарта не настаивала.

Мардоний, стоявший лагерем в Фессалии, видя, в каком подозрении элины держат афинян, предложил последним союз. Спарта, встревожившись, отправила послов к афинянам; те, вечно неумеренные, не только отвергли предложения Мардония, но и театрально велели произнести проклятия тем, кто осмелился предложить им такой позор. В Афинах среди знати некоторые согласились бы рассмотреть условия Мардония. Патриотический поступок афинян обнаружил их, и они просили пелопоннесское войско быть готовым прийти к ним на помощь, если мидяне вернутся; но пелопоннесцы, довольные тем, что отвели от себя мидийское бедствие, поспешили достроить стену, запиравшую Коринф, и не ответили афинянам. Мардоний перешёл Беотию и появился перед Афинами.

Преданные Спартой, вновь укрывшиеся на Саламине, готовые умереть, афиняне слышали, как Мардоний предлагает им мир. Один сенатор, предложивший обсудить это, был побит камнями народом; афиняне растерзали в клочья его жену и сыновей. Спарта, обвинённая в бесчестии, справляла праздник и не тронулась с места. Однако один тегеец заметил эфорам, что если афиняне договорятся с Мардонием, за-

воевание Пелопоннеса, вероятно, станет ценой союза; тогда той же ночью пятьсот гоплитов и три тысячи пятьсот илотов выступили против Мардония.

Предупреждённый аргивянами, Мардоний отступил к северу, разорив Аттику. Он расположился на левом берегу Асопа, в Беотии, где его мощная конница могла маневрировать. Войско лакедемонян под началом Павсания, пополнившись по пути множеством греков, дошло до Элевсина, где находились высадившиеся афиняне. Сформировавшееся эллинское войско двинулось вперёд. Лагерь эллинов — сто тысяч человек против трёхсот тысяч азиатов и пятидесяти тысяч греков, оставшихся верными персам, — был разбит на холмах Эрифр, в виду неприятеля. Между двумя армиями протекал Асоп.

Греки господствовали над персами. После нескольких дней робких действий с обеих сторон Мардоний бросил всю свою конницу под началом Масистия на мегарцев. Гордые этим выбором, мегарские воины храбро выдержали удар; понимая, что не выстоят против новой атаки, они призвали на помощь Павсания. Эллы колебались встретить мидийских всадников. Олимпиодор из Афин, прикрывая отступление мегарцев, устремился вперёд с тремястами героями, и Масистий был убит, что привело персов в смятение. Показанный труп Масистия и героизм мегарцев воодушевили эллинских воинов.

Так как лагерю греков не хватало воды, Павсаний занял

позицию со своими лакедемонянами на равнине Платей, к западу от Эрифр, близ источника Гаргафии. Каналы и речки, впадавшие в Асоп и пересекавшие равнину, служили препятствиями, защищавшими лагерь греков. Мардоний растянул свои войска вдоль Асопа; он ждал наступательных действий. Через десять дней полководец Ксеркса, видя, что греки непрерывно получают подкрепления, решился на наступление. Греки были об этом предупреждены.

Взаимное расположение двух армий в день битвы, после различных отвлекающих манёвров, было таково, что корпус персов оказался напротив корпуса спартанцев, а афиняне — напротив греков, сражавшихся за Ксеркса. Мардоний бросил свою конницу на источник Гаргафии, который был уничтожен. Павсаний приблизился к Платеям. Тяжёлые лакедемоняне, плохо приспособленные к искусным манёврам, замешкались; Мардоний на рассвете, видя, что они совершают отступательное движение, радостно устремился вперёд, перешёл Асоп и обрушился на лакедемонян, проходивших у подножия горы. Подоспевшие афиняне столкнулись с греческими наёмниками.

Застигнутые врасплох лакедемоняне и тегейцы, не надеясь ни на какую помощь, перешли к обороне, принося жертвы богам, чтобы получить благоприятные предзнаменования для боя. Азиаты, укрывшись за частоколом из щитов, осыпали спартанцев стрелами, а божественные знамена не ободряли тех. Испуганный Павсаний взывал к Юноне; тегейцы,

стряхнув оцепенение лакедемонян, яростно двинулись на врага. Тогда жрецы Спарты сумели найти счастливые предзнаменования, и лакедемонская фаланга устремилась вслед за тегейскими воинами. Стена щитов была опрокинута, эллины и варвары смешались в рукопашной; началась всеобщая схватка, резня, истребление людей. Плохо вооружённые, ещё хуже снаряжённые, большей частью почти нагие азиаты сражались в беспорядке, с ужасающей яростью, с глубоким презрением к смерти и великой отвагой: Они хватали руками выставленные вперёд копья греков и, несмотря на «прочные доспехи» спартанцев, убивали их одного за другим, всех.

Вокруг Мардония, восседавшего на белом коне, тысяча персов казалась непобедимой. Поражённый, Мардоний пал; тысяча прекратила борьбу. Азиаты бежали к своему лагерю; победоносные спартанцы, устремившись в погоню, преследовали их, но лишь до ограды: их разум плохо служил их храбрости, и они не сумели даже довершить разгром врага, внезапно укрывшегося за укреплениями.

Афиняне, только что одержавшие победу над греками-союзниками Мардония, опрокинули стену. Азиаты были перебиты. После дня Платей у Великого царя оставалось лишь три тысячи пощаждённых воинов и сорок тысяч человек, которых Артабаз держал в резерве. Отныне было признано, что азиаты, нагие от нищеты или же стеснённые своими просторными одеждами и увенчанные тюрбанами, не могут противो-

стоять ни лакедемонским фалангам, нерассудительным, но дисциплинированным, ни весьма искусной отваге афинян.

Жестокая ярость победителей, жажда крови, их обуревавшая, и ожесточённые распри, последовавшие за победой, делают день Платей первой подлинно эллинской битвой. Одни лишь афиняне, тегейцы, мегарцы и лакедемоняне сражались. Это были те новые греки, чьим обычаем станет воевать друг против друга без предварительного совещания, опрометчиво, некстати. Награда за Доблесть на следующий день после боя оспаривалась столь яростно, что, дабы положить этому конец, увенчали платейцев. Афиняне нанесли азиатам последний удар, но победа принадлежала Лакедемону: Потoki крови сгустились под дорийским копьём на полях Платей, говорит Эсхил.

Ожесточённые бои, кровавые схватки, постоянная война, сила, становящаяся правом, упоение кровью и радость грабежа — пираты или воины, — оправданные риском для жизни и не лишённые славы, — таковы были последствия торжества дорийцев. Пираты Эллады, нарушавшие безопасность морей, стали весьма многочисленны после Платей.

Пока эллины уничтожали войско Мардония (479) при Платеях, афинский флот, морское войско под началом Леотихида, гнал персидский флот к Микале. Моряки Великого царя, покинув свои корабли, высадились на берег.

Пользуясь победой, Аристид декретом учредил Эллинский союз против Персии. Каждый год союзники должны

были присылать послов для совершения жертвоприношений, установленных в память павших; каждые пять лет Игры должны были увековечивать союз. Декрет гласил: В Платеях будут учреждены игры, которые назовут Празднествами Свободы, и платейцы, которым поручено совершать жертвоприношения и обеты о спасении Греции, будут почитаться народом неприкосновенным и священным. Пока ликующие афиняне помышляли лишь об освобождении, Павсаний, менее сентиментальный, получал десятую часть добычи; другая десятина была отдана богам; остальное поделено. Фиванские вожди, сражавшиеся за персов, были преданы смерти Павсанием.

Азиатские моряки, высадившиеся у Микале, под угрозой афинского флота призвали Ксеркса; но обезумевший Ксеркс, повсюду видевший изменников, велел разоружить самосцев, удалил милетцев и тем ещё ухудшил своё положение. Весть о поражении Мардония при Платеях пришла в тот самый миг, когда греки атаковали лагерь персов. Последняя армия Ксеркса была уничтожена афинянами под началом Ксантиппа. Отряд спартанцев, находившийся при афинском флоте, заблудился и не принял участия в деле.

В этой битве при Микале, покрытой полной славой, афиняне избрали паролем имя Гебы, небесной прислужницы, которую Гера зачала, вдохнув аромат розы. Это стало как бы победой юности. Юная Европа разила Азию — Азию, ещё накануне цветущую мужами, куда стекались неисчислимые

богатства, а ныне побеждённую, разбитую, конченную, имеваемую жалкой, одряхлевшей, умирающей! Эгейское море становилось эллинским; Европа возвращала своё достоинство, то есть Ионию, Малую Азию, тогда как победой Гелона над карфагенянами она заявляла права на Север Африки, где жили лидийцы-арии, владея уже дельтой Нила. Нейт из Сакиса была не чем иным, как Афиной эллинов.

Историческая и общественная дилемма обозначилась уже при Кире: Нужно, по ясному выражению Геродота, чтобы всё это великое царство было подчинено грекам, или Греция — персам; между нашей враждой и их враждой нет более пространства, которое отдалило бы наши удары. — Мидийские войны, завершившиеся бесспорным поражением Ксеркса, разорили Азию, но оставили её независимой. Обещание Юноны Парису — что он будет царствовать над Азией и Европой — не сбывалось. Обширные европейские пространства оставались в руках азиатов. Действительные этнографические различия проявлялись как начала, но с большой неопределённостью применения. Азиаты — то были кочевники; европейцы — земледельцы.

Геродот чётко обозначил разделения: Я удивляюсь, говорит он, тем, кто разделил и распределил землю между Ливией (Африкой), Азией и Европой, ибо различие между ними не малое. Границы этих частей оставались неопределёнными. Не продолжив своих успехов дальше Микале, греки сделали так, что Фукидид ограничил Восточную Европу Эгей-

ским морем. Эсхил, однако, дошёл до восточного берега Галиса. Александр увидит истинную Европу, простирающуюся на западе от мрака, царящего за Гадесом, по выражению Пиндара, — стороны ночи Гомера, — до Инда на востоке, до Ганга.

Азия поверженная, тяжело павшая на колени, увлекла в своём падении вместе с восточным абсолютизмом и монархическую царскую власть. Народы были освобождены. Сам Мардоний — великое чудо! — напишет Геродот — учредил Демократии. — Берегитесь, говорит тень Дария старцам в эсхиловской трагедии «Персы», — Берегитесь когда-либо нападать на страну греков, будь ваше войско даже многочисленнее, чем у Ксеркса, ибо сама земля сражается за них... Язык человеческий не будет более скован, освобождённый народ свободно изольёт свою мысль, ибо ярмо силы сокрушено.

ГЛАВА 3. — С 480 по 466 г. до н. э. — Ксеркс погибший, презираемый.

С 480 по 466 г. до н. э. — Ксеркс погибший, презираемый.
— История и эпос. — Геродот: его характер, влияние Спарты на его ум, его путешествия, его труд. — Эсхил, продолжатель Гомера: его характер, его труд. — Справедливость. — Основание Ареопага. — Паллада-Афина.

КСЕРКС, чьё величие ослепляло эллинов, оставил по себе лишь память о своей наглости — этом колосе преступлений, как говорит Эсхил, дающем лишь жатву скорби. Великий царь, владыка людей, всемогущий, даже жестокий, мог льстить тщеславию порабощённых; хвастовство разбитого полководца заставляло его ненавидеть. Азия была побеждена. Европа-победительница, которую не олицетворял никакой герой, плохо пользовалась своим торжеством. Раздоры эллинов должны были усилиться, ибо мидянин, эта угроза, более не был опасен. Явились два человека, которые сделали для Эллады, для Европы гораздо больше, чем сделали Мильтиад при Марафоне, Леонид при Фермопилах, Фемистокл при Саламине, Аристид на Пситталии, Павсаний при Платеях, Ксантипп при Микале. Продолжатель Гомера, Эсхил, столь же великий, как великий ариец, вернул грекам чувство их предназначения, дав им зрелище их собственного вели-

чия, возвышая мужество, пробуждая воодушевление. А поскольку Афины вошли в мировую политику и афинянам надлежало узнать мир, Геродот написал свои истории.

Уроженец Карики, пришедший на Самос, затем с Самоса в Афины, проникнутый ионийским духом, таким, каким его сделало мидийское владычество, Геродот принёс эллинам огромное собрание материалов, упорядоченных, распределённых, каждый на своём месте, разумеется, — что свойственно греческому гению, — но где громоздились невероятные басни и поразительные преувеличения. Гиперболические повествования льстили слушателям, когда Геродот расчленял миллион человек, пришедших с Ксерксом; но сколь многие должны были улыбаться при описании индийцев, охотящихся на муравьёв величиной с собак?

Ариец, сильно пропитанный азиатчиной, Геродот был, по крайней мере, совершенно чист от всякого дорийского влияния: ни гордыни, ни надменности, ни духа грубого господства в его труде; но доверчив, поверхностен, впечатлителен и слишком слаб в минуты страстного красноречия. Так, будучи, безусловно, всецело предан афинянам и пришедший, чтобы служить вместе с ними и через них делу Европы против Азии, он всё же пленяется Спартой, которую восхваляет, не зная ни её подвигов, ни её нравов.

О битве при Платеях он говорит: У греков тегейцы и афиняне вели себя храбро, но лакедемоняне превзошли их доблестью, что неверно; и объясняет эту доблесть, производя

род Леотихида и Леонида от Геракла. Он пренебрегает Фемистоклом, которого упоминает лишь мимоходом: Был, говорит он, среди афинян человек, недавно возвысившийся до первых рядов; имя его было Фемистокл; его называли сыном Неокла. Поскольку слово «Неокл» означает «недавно прославленный», Геродот насмехался над спасителем Афин.

Как и многие, Геродот был жертвой дерзкого бахвальства и лицемерных поз Спарты. Он восхищается спартанцами, потому что они свободны? и верит, — ведь он это говорит, — что они украшали себе голову, когда готовились пожертвовать жизнью. Его честность возмущалась, это понятно, при мысли, что Фемистокл мог бы стать владыкой Эллады; он не видел, что, ниспровергая Фемистокла, он рискует отдать Элладу Спарте, где почти все граждане были Фемистоклами, лишёнными ума.

Труд Геродота, представляющий собой историю всех известных тогда народов, — кроме ассирийцев, — есть, по сути, повествование о страшной борьбе Азии против Греции, против Европы; он не дышит ни желанием, ни, если угодно, верой в успех греков. Почитатель науки египтян, богатства и силы мидо-персов, он, до поражения Ксеркса, был бы с теми эллинами, которые соглашались вверить будущее Европы Царю, столь великому и столь прекрасному. Жрецы Египта предрекли ему, что рано или поздно греки погибнут. Он преувеличивал эллинскую слабость, недостаток сплочённости, зависть, соперничество, непредусмотритель-

ность и непостоянство эллинов и сравнивал неисправимый беспорядок народа, ослабление характера вождей с суровой дисциплиной азиатских орд, нравственной силой Великого царя, чьим подданным он был в Карии. Он понимает благородие фессалийских воинов, помогших Ксерксу вторгнуться в Элладу, оправдывает уныние, проповедуемое Дельфами накануне нашествия, приписывает мидянам, «сражавшимся против ассирийцев», первое торжество свободы!

Чрезвычайно любознательный, путешествовавший ради знаний, Геродот сохранил очень живое воспоминание о безопасности, которую ему повсюду давала его народность. В египетских Фивах, как и в Мемфисе, и до нильских порогов, он видел, как египтяне отворачивались от греков, которых называли нечистыми, а его принимали хорошо, потому что он был подданным Великого царя.

Скорее хронист, чем историк, собиратель фактов, в подражание египтянам, которые, по его словам, наблюдали больше чудес, чем все прочие люди, ибо не пропускают ни одного, не изучив его и не записав, что за ним последовало, Геродот добросовестно рассказал всё, что видел, всё, что слышал, языком простым, ясным, греческим, произнося с одинаковой выразительностью и самую неправдоподобную басню, и самый достоверный факт. Его ионийское наречие, сладостное и природно-нежное, по выражению Лукиана, несёт, как многоводная река со своими прозрачными водами и песком, его обширное собрание, насквозь ассирий-

ское, составленное без отбора, лишённое критики, метода, и всё же — произведение искусства, по праву посвящённое музам, до того смещения вещей, отступления и нелепости оказываются здесь естественно возникшими и просто высказанными.

Ребячливый в объяснениях явлений, порой самонадеянный, одновременно наивный и претенциозный, он питает страх перед божествами, не скрывая при этом своего скептицизма; он мог бы быть религиозным, не обладая верой. Скорее суеверный, чем верующий, он впечатляется магическими воплями, но не допускает, чтобы Природа подчинялась обетам жрецов, чьи обряды он, без сомнения, узнал в Египте. В Афинах утверждают, пишет он, будто в храме, охраняющем крепость, обитает большой змей; так говорят, и, словно он действительно там находится, ему каждый месяц приносят приношения для пропитания. Он, однако, остерегается — при случае с оттенком лицемерия — задевать жрецов! Он умалчивает о большинстве религиозных вещей, узнанных от чужеземцев, и, подвергая сомнению некоторые утверждения Гомера, провозглашает правдивость дельфийских оракулов. Его страх перед богами — лишь боязнь жрецов. Божество, он знает, завистливо и любит всё ниспровергать, но тут же спешит добавить, что божественное Провидение таково, каким ему должно быть, мудро во всём, а человек, неспособный к счастью, — не более чем случайность.

Человеческие помыслы принижены, объявлены подвласт-

ными стареющему телу; успехи приписаны судьбе; хитрость и даже ложь признаны пригодными — всё это указывает на азиатское влияние, испытанное историком. Его осторожность мешает ему высказаться. Он рассуждает о формах правления — об исономии, олигархии и монархии, — не делая вывода. Он, однако, пишет, что «легче обмануть множество, чем одного человека», высказываясь тем самым почти в пользу деспотизма.

Заинтересовав афинян рассказом своих историй, Геродот возбудил их любопытство, он дал им потребность и удовольствие исследования, познания вещей; он поведал им, что в Египте и Ассирии есть люди трудолюбивые, учёные, наблюдательные, которые записывают деяния своих современников; что писания этих людей увековечивают славу и бессмертие; и афиняне на мгновение стали внимательны к самим себе.

Однако если бы у афинян были только истории карийского собирателя, они сочли бы Ксеркса образцом наилучшего государя, а спартанца — образцом совершенного гражданина. К счастью для Афин, для Эллады, для Европы, был Эсхил, прямой наследник Гомера, с его гениальным пониманием потребностей будущего.

С этой потребностью говорить, выражать свой страх или надежду, что отличает арийца, — Сладостно, говорит Прометей, оплакивать свою судьбу и исторгать слёзы у того, кто нас слушает, — Эсхил не может молчать. Он должен разде-

лить со своими согражданами огромную надежду, его одушевляющую. И он говорит языком Гомера, и он испытывает в точности те же чувства, что ведические поэты — печальные ночью перед сонмом ночных светил, радостные утром, с первым светом, с зарёй, рождающейся из материнской ночи.

Добрый, сострадательный, мягкий к женщинам, которых хочет видеть свободными в самих себе, весь проникнутый верой в добро, верящий в конечное торжество справедливого, имеющий правилом лишь честность, которая дороже жизни, Эсхил, чистый ариец, провозглашает своё отвращение ко лжи, этому позорнейшему злу, и позор — его ужас: Пусть переносят несчастье без позора, пусть так! — говорит его Этеокл, ибо избавление от него в смерти; но что думаешь ты о тех, кто терпит одновременно и позор, и несчастье?

Рождённый в Аттике, бывший среди воинов, сражавшихся при Марафоне, Саламине, Платеях, Эсхил был одушевлён тем широким арийским патриотизмом, который постигает и объёмлет всё человечество, братское, но облекает пылкой, ревливой, трепетной любовью лишь уголок земли, где покоится предок, где растёт дитя, — Землю материнскую, дражайшую кормилицу, и очаг, согревающий гнездо первой любви, и Посёлок, что есть собрание очагов, и общий Город, что есть средоточие защиты, достаточное место сосредоточения.

Дать афинянам сознание их ценности, их силы; поднять их из уныния, вырвать из арийской нерешительности воспо-

минанием, изображением их энергии, их славы; показать их мощь, оживляя древние предания, эти свидетельства; доказать людям-эфемерам силу продолжения; оградить их от новых богов, этих новых кормчих, правящих Олимпом, и вернуть их, отдать их великому ведическому божеству, Земле, матери всего сущего, Природе, Гее, что имеет один облик в тысяче имён, — таков был первоначальный эсхилковский замысел. Театр стал средством наставления, избранным Эсхилом.

Драматическое искусство, это самобытнейшее творение греков, существовало; Трагедия была создана; народ приходил на состязания трагиков. Драма, заменившая Эпос, говорила языком, соответствовавшим новому явлению, смешанным из прозы и стиха, как и действие стало смешением действительности и идеала.

Фивы, непримиримый враг афинян, обречённый проклятиям, клоака, где Азия скопила свои растления; Аргос, возвеличенный, связанный с Афинами клятвой Ореста: — Никогда, в долгой чреде времён, ни один царь Аргоса не вступит с копьём в руке на аттическую землю; — Афины, исторгнутые у богов, голосовавших за падение Трои в кровавую урну, у Зевса неумолимого, нового тирана, чьё падение неизбежно, у Аполлона Дельфийского, соучастника гнуснейших преступлений, и отданные Палладе, — таков эсхилковский труд.

Афиняне избавлены от мидян, от царей и от богов — кто

же поведёт их? Справедливость! справедливость демократическая, справедливость, что сияет в замкнутых жилищах и прославляет честную жизнь, та, что отвращает взор от золота и богатств, оскверняющих руки, что презирает власть, отмеченную бесчестьем, — и учреждается Ареопаг: Чтите, говорит Паллада, величие этого судилища, спасительного оплота этой страны и этого города, какого нет ни у скифов, ни у пелопоннесцев.

Эсхил, однако, страшится этого Народа, от которого будут зависеть судьбы Эллады. Новые, неуловимые мысли тревожат его. Он знает, чего стоит правление одного, монарха без жалости, чей заразительный порок — неверие в своих друзей; — но этот Народ, которому всегда нравится порицать своих вождей, куда же пойдёт он с этой свободой действий, которая есть его право? И он видит Анархию — анархию народа, возмущающую народное собрание, попирающую его тем сильнее, чем ниже оно пало, как это естественно для людей. Это Эвмениды перед Палладой произносят урок: — Не желайте ни жизни без узды, ни угнетения. Боги поместили силу между тем и другим — ни ближе, ни дальше. — Если вы замутите, говорит Паллада, прозрачную воду мутными потоками, как сможете вы её пить? Я хотела бы убедить граждан, облечённых заботой о Республике, избегать и анархии, и тирании, но не отказываться от всякого обуздания.

Его Равенство разумно: Мудр был, конечно, говорят Океаниды Прометею, тот, кто первым помыслил и сказал: союз

между равными — наилучший; кто живёт своим трудом, не должен искать союза ни с гордыми своим богатством, ни с гордыми своим происхождением.

Склоняясь перед законом Необходимости, этой непобедимой силой, которой подвластен сам Зевс, Эсхил допускает, что афиняне в полной славе, в полном пылу могут принять ярмо, власть, даже божество, — по крайней мере Палладу, — ибо ещё не научены вещам. Конечно, вымышленные боги чудовищны, их мщения жестоки, их капризы невыносимы, и их дружбы следует остерегаться, — да буду я избавлена, говорит Океанида, от любви всемогущих богов и от их губельного присутствия, — а истинный бог, Отец, — это солнце, это Гелиос; но истина — в будущем, она принадлежит времени, которое всё идёт, которое всё откроет, которым всё меняется, и не следует, опережая час света, человеку слишком рано метаться во тьме. Надлежит поэтому оставить жизнь легендам, действие — культам, обаяние — богам.

В «Семерых против Фив» хор дев говорит: Божества с победителями, даже с трусами! — Не подобает, тотчас отвечает Этеокл, говорить такое воину. И потому «Орестея» завершается апофеозом божества воинственного, ненавидящего, участвовавшего в падении Трои, вербующего Эриний в свою стражу: Паллады-Афины, рождённой без матери. — Да будет у граждан, поёт хор заключительный обет, одна воля, одна любовь, одна ненависть! — И Паллада: Что до меня, то славой воинских битв я сделаю этот город знаменитым сре-

ди смертных.

Правда, Эсхил поэтическим вымыслом превращает Эриний мстительных, отвратительных, в умиротворённых Эвменид; но эти Эвмениды ничего не могли бы против Рока, который они олицетворяют, против Необходимости, и будут Раздоры среди жителей Города, будут они как петухи, терзающие друг друга, будут предпринимать войны чужеземные, вдалеке.

Эсхил, увы! — тот, кто вложил в уста Хоэфор великое гомеровское изречение, увековеченное: — Справедливость, спустя долгое время, пришла для потомков Приама; кара мстящая пришла; — Эсхил, кто заставил Умоляющих сказать: Да никогда не ринется сюда резня, убивая воинов, разоряя город, враг хоров и кифары, — заставляет Палладу оправдать преступного Ореста, которого очистил косоглазый Аполлон, отдаёт Мир Эриниям, а Искусства — Раздору. Этот человек, говорит Афина в «Эвменидах», оправдан от обвинения в убийстве; голоса разделились поровну с обеих сторон. Но заранее Богиня объявила, что подаст свой голос за Ореста; Ореста, который так взывал к Палладе: я аргивянин, и ты хорошо знаешь моего отца, Агамемнона, вождя флота ахейских мужей, которым ты ниспровергла Трою, город Илиона.

Богиня, вооружённая острым копьём, опустошительница Афина Гесиода, Паллада Гомера, что вместе с Аресом занимается ратными трудами, разоряемыми городами, кликами и

битвами, восседает в Афинах, где должен был бы сиять один лишь благодетельный Гелиос. Эсхил, этот Провидец! думал ли он, что Афины, преданные испытаниям, принесённые в жертву, должны страдать, чтобы родить? — Зевс ведёт людей путём мудрости, говорит Агамемнон в «Орестее», и он постановил, что они обретут знание через страдание.

ГЛАВА 4. — С 479 по 457 г. до н. э. — Новые афиняне.

С 479 по 457 г. до н. э. — Новые афиняне. — Город и порт. — Взятие Византия. — Измены Павсания и Леотихида, царей Спарты. — Аристид, вождь. — Демократия. — Смерть Ксеркса и Павсания. — Кимон. — Софокл побеждает Эсхила. — Храм Тесея. — Осада Фасоса. — Кимон изгнан; отъезд Эсхила. — Эфиальт и Перикл. — Третья Мессенская война. — Начало гражданских войн. — Ионийцы и пелопоннесцы.

НЕСМОТРЯ на зависть и подозрения, Афины возрастали. Боги защитили город богини Паллады, говорит Атосса. Аристид олицетворял в нём справедливость; Фемистокл — искусность; Народ — неоспоримую верховную власть. Фемистокл не был популярен. Его тщеславная деятельность досаждала, его цинизм тревожил; Эсхил из-за него не согласился прославить победу при Саламине. Спаситель Афин, однако, верно отражал афинский характер; его достоинства и недостатки были достоинствами и недостатками народа; многие граждане охотно помышляли, как и Фемистокл, служить собственному состоянию одновременно со славой Города. Афинская демократия, весьма гордая своими победами, хотела скорее насладиться успехом. Двадцать восемь

тысяч граждан, управлявших государством, хозяева всего, подсчитывали возможные выгоды правления и завидовали Фемистоклу, который до сих пор забирал всё. Общественная казна, созданная для обеспечения морского могущества Афин, становилась неодолимым соблазном. Богатство родосцев сравнивали с бедностью победителей при Марафоне и Саламине, и мысль об извлечении выгод из победы неотступно преследовала умы.

Посвятить казну богам было невозможно, ибо афиняне не подчинялись никакому жреческому влиянию, а Дельфы подорвали свой престиж поведением во время мидийских войн. Афины Святые, по выражению Тимокреонта, сами завоевавшие свою святость, ничем не были обязаны жрецам. Так что без всяких угрызений совести каждый высчитывал причитающуюся ему долю казны. Вечная весёлость афинян, состоявшая из беззаботности, омрачалась меркантильными заботами. Примеры выгодных измен, удачной продажности, исходившие сверху, смущали чернь, терявшую уважение к Великим. Благоговейный страх, некогда неодолимый, всемогущий, незыблемый, проникавший в уши и в ум, ныне исчез, говорит Эсхил. Слова свободного человека уже не было достаточно; отныне надлежало записывать закон, принятый по согласию, на медной доске, закреплять его прочным гвоздём.

Афины, слишком открытые, неосмотрительные, принимавшие всех людей разных племён, становились трудными

для управления. Арийцы с простыми нравами, чистые, но слабые, предавались азиатским *frivolité*. Гесиод уже указывал на соблазны тенистых скал, коварство вина Библоса, опасные трапезы, где чёрное вино орошает мясо слишком юных козлят, и расслабляющие возбуждения, отдающие беззащитными, под жар лета, тела, иссушенные солнцем, женщинам весьма похотливым.

Эти люди, так услаждавшие свои тела, что доходили до страдания, должны были легко отдаться владыке, который благоприятствовал бы их наслаждениям, не смущаясь средствами, какими этот владыка доставит им приятную безопасность. Вот почему, презирая Фемистокла, они всё же повиновались ему, когда он приказал восстановить защитные стены Города, используя все материалы: могильные камни, храмовые колонны, статуи героев и богов. Ограда Афин очень быстро была значительно расширена — без осторожности, без искусства, с тем же варварством, с каким воины Ксеркса разоряли город.

Фемистокл стал бы неограниченным владыкой афинян, если бы сам мог терпеть соперников. Досада, которую он испытывал, слыша сравнения с ненавистным ему Аристидом, вынуждала его к непрерывным интригам, к непрерывным действиям, которые его компрометировали.

Жители Эгины, завидуя Афинам, донесли Спарте, что афиняне запираются стеной, словно намереваясь устроить крепость в Аттике, замечая, что общеэллинские интересы

требуют укреплений лишь в Коринфе. Спартанцы высказались против восстановления стен. Фемистокл добился отправки себя в Спарту, чтобы тянуть время в переговорах. Он сбивал с толку сенаторов, которые его расспрашивали, и добился того, что эфоры послали в Афины послов, дабы точно удостовериться, что там делается. Афиняне удержали спартанских послов как заложников, достроили стены, и Фемистокл завершил этот случай надменным заявлением, которое одураченные спартанцы приняли без возражений.

Деятельность Фемистокла стала необычайной. Фалерская гавань была слишком мала, и он использовал три изрезанности берега, способные вместить триста кораблей; он обнёс Пирей и Мунихий очень широкой стеной, намереваясь продлить её до самого города; он распорядился строить ежегодно по двадцать трирем; он добился предоставления льгот чужеземцам — прежде всего ремесленникам, — которые придут в Афины; и он перенёс на пникс ораторскую трибуну, в точку, откуда ораторы могли беспрестанно показывать народу море, простиравшееся у его ног, как его владение.

Город, древний Град Кекропа, должен был разрастись в больших размерах, но Пирей господствовал над Афинами. Порт должен был поглотить Город, толпа кораблей — обладать над совещающимися гражданами. План Фемистокла влёк за собой это следствие: Афины становились морской державой. Фемистокл намеренно смешал и слил порт и город, по выражению Аристофана. Но вскоре сколь мало на-

стоящих афинян должно было остаться в Афинах.

Весь во власти своей идеи, Фемистокл хотел застигнуть врасплох союзные флоты, собравшиеся в то время в гавани Пагаса, уничтожить их, обеспечив таким образом морское преобладание афинян. Исполнение этого замысла требовало тайны. Фемистокл собрал Народ и просил его одобрить задуманный им план, не выслушивая никаких объяснений. Народ постановил, что Фемистокл изложит свой план Аристиду и если Аристид его одобрит, афиняне будут слепо повиноваться. Аристид, ознакомившись, не одобрил план Фемистокла.

Тем временем Спарта плела интриги. Сначала она попыталась исключить из амфикисионийского совета народы, не сражавшиеся против мидян, — эта мера ударила бы по нынешним союзникам афинян. Фемистокл заметил, что такое решение оставило бы в Элладе лишь два или три города, обречённых оспаривать друг у друга первенство. Потерпев поражение в этом, Спарта предложила призвать в Элладу всех ионийцев Азии, раздать им земли прочих греческих народов, не сражавшихся против персов, разрушить Милет, Фокею, Смирну, Галикарнас и т. д. Это означало лишить Афины возможной помощи народов, связанных с ними общностью происхождения. Афины ответили, взяв этих ионийцев под своё покровительство, торжественно объявив, что Хиос, Лесбос, Самос и острова Эгейского моря входят в состав эллинского тела. Бессильная Спарта умолкла.

Персы ещё удерживали Фракию. Ксантипп со своими афинянами взял Сест измором и отдал павший город элонтцам, которые проявили жестокость (447). В следующем году 30 афинских кораблей под началом Аристида и Кимона, к которым присоединились 20 пелопоннесских галер под командованием спартанца Павсания, изгнали персов, занимавших Кипр, и отправились брать Византий, где несколько знатных персов остались пленниками греков.

Став хозяином Византия, Павсаний предал Спарту: он продался Ксерксу, отослал ему пленников и предложил отдать ему Элладу. Живя как сатрап, нося мидийское платье, сопровождаемый египтянами, вооружёнными копьями, безумный от гордости, неспособный скрывать свои намерения, он своей наглостью выдавал себя союзникам. Свою измену он подготовил ещё в Спарте, обещав свободу рабам Лакедемона, илотам, если они согласятся служить его «будущим замыслам». Эгинеты и пелопоннесцы, с которыми Павсаний вошёл в Византий, покинули его; моряки повиновались лишь Кимону и Аристиду; Спарта отозвала Павсания, но тот ничего не ответил на приказ эфоров.

Встревоженные эфоры потребовали от второго царя Спарты, Леотихида, немедленно принять командование флотом и отправиться покарать первого царя, изменившего Лакедемону, — Павсания. Но Леотихид сам только что продался Великому царю. Тогда вспомнили, слишком поздно, о дерзости, с какой после Платей, в Дельфах, Павсаний при-

своил себе, как личный вотивный дар, золотой треножник на трёхголовом змее, поднесённый богу вместе с десятиной добычи.

Позорное отступничество двух царей Спарты повредило Фемистоклу, чья безнравственность была известна. Встревоженные афиняне признали Аристидида верховным вождём Греции. Аристид тотчас, враг интриг и ненавидящий ухищрения, вернулся к своей идее постоянного союза, учреждённого против общего врага, как эллинской связи. Он хотел, чтобы собрание, проводимое на Делосе, в храме греческого Аполлона, управляло Союзом, а Афины оставались бы исполнителями принятых решений. Каждый эллинский город, представленный на Делосе, оставаясь хозяином своего внутреннего устройства, был бы лишь обязан поставлять, согласно таблице, утверждённой собранием, столько-то людей, столько-то кораблей и столько-то денег.

Прежде чем составить таблицу распределения, Аристид отправился изучать средства каждого города. Он справедливо распределил налог, общая сумма которого, достигавшая 460 золотых талантов, должна была храниться в делосском храме под охраной афинских воинов. Честность Аристидида прославляла Афины. В это самое время поэт Пиндар получал бронзовый шлем, дар Гиерона, за воспевание славы Гелона, победителя карфагенян, умершего в год, последовавший за его победой. Афины и Сиракузы, таким образом, благородно утверждали торжество Европы над Азией.

Влияние Фемистокла, или, вернее, афинский дух, на который Фемистокл произвёл впечатление, тяготело над Аристидом: аристократ, он осмелился коснуться конституции Солона, чтобы удовлетворить чаяния демократии. Сословные различия были отменены; феты четвёртого класса должны были платить налог, как все, но получили право стремиться к демократическому правлению, прекраснейшему из имён, как говорит Геродот, ибо оно зовётся равенством: обсуждение принадлежит в нём всем, действие — немногим, должностным лицам, и те несут ответственность за свои поступки.

Демократия увенчивала себя слишком рано в малонаселённых Афинах, где евпатриды сохраняли свой престиж, где складывалась новая аристократия из эллинов, обогащаемых торговлей, тогда как невежественный Народ отдавался во власть ораторов. Аристид вскоре стушеввался, исчез; Фемистокл, ставший невыносимым, слишком часто напоминая афинянам, что он их спас, выставлявший напоказ необъяснимые богатства, повелевший воздвигнуть в храме собственную статую, был изгнан и удалился в Аргос, затем на Керкиру, затем в Эпир, к Адмету, царю молоссов, и наконец в Азию, в Сузы, к Великому царю Артаксерксу, только что наследовавшему Ксерксу.

Одни хронисты говорили, будто Артаксеркс, восхищаясь гением и дерзостью Фемистокла, добился от него измены Элладе; другие — будто Фемистокл отравился, чтобы не под-

нять оружия против родины.

В Византии Павсаний продолжал с сатрапом Вифинии Артабазом свои долгие интриги против греков. Он осмелился вернуться в Спарту. Брошенный в темницу, освобождённый, уличённый в заговоре, преследуемый, Павсаний укрылся в храме, который спартанцы сожгли, замуровав его двери (467).

В Афинах правил Кимон, избранный Аристидом для противодействия влиянию Фемистокла. Сын Мильтиада от фракийской принцессы-арийки, рождённый в роскоши, преданный наслаждениям и вдруг отданный во власть заботам и тяготам трудной власти, очень легкомысленный, но очень пылкий, очень верный и очень добрый, сумел понравиться Народу. Этот парадокс — аристократ, благосклонный к малым, — и память о храбрости, проявленной им при Саламине, заставили афинян довериться Кимону, когда их неблагодарность и нерассудительность поразили Фемистокла и Аристида.

«Рыцарственный Кимон», чьи юношеские излишества были известны и который, впрочем, мужественно перенёс последствия разорения, ни художник, ни красноречивый оратор, прославился двумя удачными походами. Он взял Эйон во Фракии, земли которого отдал бедным гражданам Афин, затем остров Скирос, гнездо пиратов, объявленный амфикиционный советом вне закона Эллады.

Взятием Эйона эллины заняли важный стратегический пункт в устье Стримона. На Скиросе афиняне основали свою

первую колонию на севере Эгейского моря.

Афинский флот, обновлённый Кимоном, состоял главным образом из просторных, значительно усовершенствованных трирем, где гоплиты свободно маневрировали. Эти широкие, огромные корабли, окрашенные красной охрой, дерзко рассекавшие глубокие волны эллинского моря, наполняли афинян гордостью.

Неспособный дать своим согражданам хоть какое-нибудь умственное наслаждение, Кимон поразил их воображение, дал им повод для манифестации, доставив кости Тесея, которые, по его утверждению, он отыскал. Это вызвало великое народное ликование. В центре города, близ места, где юношество упражнялось в играх, был построен храм дорийского ордера, очень изящный, небольшой, в стиле Парфенона. Торжественные празднества Возвращения Тесея включали поэтическое состязание. Сын кузнеца, пришедший из Колонна, города белых домов, юноша Софокл, участвуя в состязании, одержал верх над Эсхилом. Афиняне, чьи суждения становились изощрёнными, а намерения — тонкими, противопоставили, без сомнения, в этом случае сына народа еврипиду.

Софокл явился в нужный миг: Мидийские войны ожесточили сердца; Орфей, Алкей, Сапфо приходили в забвение; Гомер становился недоступен; Эсхил требовал слишком много внимания. Софокл на сцене, снисходительный, заменял богов людьми, и если порой ещё вкладывал в уста своих

персонажей таинственный, этимологический язык соперника, с которым боролся, то, по крайней мере, аттическая пчела, он умел благоуханием напоить мёд, смешанный с пылью, который подносил всем.

Афинское нетерпение и легкомыслие были благодарны Софоклу за отказ от медленной и тяжеловесной эсхилловской тетралогии. Каждая драма была теперь законченным произведением, быстро воспринимаемым, требующим умеренного усилия, выдержанным в легко постигаемом единстве времени, с подлинным изображением трагических бедствий, с хорами, выражавшими мнение зрителя. Софокл, таким образом, побеждал Эсхила закономерно. Подобно тому как новый храм Тесея был сделан совсем маленьким, для людей, так и трагедии Софокла, хотя ещё монументальные, были человечнее эсхилловских. Гимн Афинам, составляющий идею «Эдипа в Колоне», оправдывал страстную несправедливость афинян.

Умы мельчали; цель вещей занимала. У Гомера спросили бы о намерении его великого творения. Афины уточняли, ограничивали, считали свой труд и своё время. Так, афиняне продолжали борьбу против Азии, били персов, преследовали пиратов, желая безопасности морей, но в этих добытых славах были расчёты.

Суровые к своим союзникам, Афины требовали взносов и отрядов. Карист на Эвбее и богатый Наксос были взяты и наказаны (466) из-за промедления. Делосское собрание опре-

делило долю каждого города людьми, кораблями и деньгами; Кимон допустил, чтобы города могли заменять деньгами наложенные на них поставки людей и кораблей. Понуждая их расплачиваться, афиняне почти вынуждали их принять этот способ возмещения. Это означало разоружать союзников, ослаблять их, обогащая Афины, куда стекалось золото; но это означало и уменьшать материальные силы союза, ставить всю ставку битв на судьбу одного-единственного города.

Весьма удачливый и весьма хитрый, Кимон прославлял свою личную политику. Он изгоняет персов, пришедших из Кари и Ликий; он топит вражеский флот, охранявший устья Евримедонта (466); он освобождает Фракию, кроме Дориска, который осаждал, когда алчность афинян прервала его успехи. После взятия Эйна афиняне заявили, что золотые рудники горы Пангей, до тех пор разрабатывавшиеся фасосцами, принадлежат им. Так как фасосцы отказались отдать рудники, Кимону пришлось угрожать Фасосу. Осада Фасоса длилась три года. Когда осаждённые уже были готовы пасть, они призвали Спарту, которая обещала вмешаться, но не смогла: землетрясение только что опустошило Лаконию, унеся двадцать тысяч жизней и оставив в Городе лишь шесть неразрушенных домов; а осмелевшие илоты, поднятые мессенцами, шли на Лакедемон.

Царь Спарты Архидам, героически, устранил мятежников на самих развалинах города. Илоты, соединившиеся с

мессенцами, вынуждены были отступить и, укрепившись на горе Итоме, начали третью Мессенскую войну, длившуюся десять лет (464—454).

Оставшиеся без помощи фасосцы должны были подчиниться требованиям Кимона, который велел скрыть городские укрепления, забрал вооружённые корабли и захватил золотые рудники Скапте-Гилы. Фасос должен был согласиться на уплату крупного штрафа и ежегодной дани. Удовлетворённые афиняне потребовали от Кимона идти во Фракию, где застигнутые врасплох колонисты были истреблены. Предприятие было опасным. Весьма осторожный Кимон не подчинился приказу Народа и был обвинён в том, что продался царю Македонии.

Блестяще одержанные и прибыльные победы; личные расходы победителя на украшение Города Паллады; сады Академии, отданные Народу; его дом, открытый для всех, его стол, постоянно накрываемый гражданами его дема; его публичные раздачи денег и одежд — ничто не могло удержать ускользавшую от Кимона популярность. Ему припоминали его происхождение; его обвиняли, как аристократа, в предпочтении Спарты Афинам. В самом деле, весьма искренний и, как все его современники, обманутый бахвальством лакедемонян, Кимон открыто превозносил их. Честолюбивый оратор, выступавший как мститель за Фемистокла, использовавший роковую потерю доверия к Кимону, чью даже благотворительность он объявлял подозрительной, заявлял, что

городу позорно видеть, как один гражданин кормит бедных, ибо эта обязанность лежит на государстве. Этим оратором Народа был Перикл.

Спарта, сознав себя неспособной взять Итому у мессенцев (463), попросила помощи у Афин. Несмотря на противодействие Эфиальта, Кимон добился отправки войска, говоря, что нельзя оставлять Грецию хромой и лишать Афины полезного противовеса. Отсюда заключали, что Кимон колеблется вверить будущее Эллады одним афинянам. Осада Итомы затягивалась без успеха, и подозрительные спартанцы отослали Кимона с его воинами обратно. Разъярённые, униженные афиняне тотчас заключили союз с Аргосом, врагом Спарты, который только что разрушил Микены, лишь бы насытить свою ненависть к лакедемонянам. Фессалийцы и мегарцы приняли сторону Аргоса и Афин против Спарты.

Кимон был объявлен другом Спарты. Ареопаг, состоявший из аристократов и противившийся безрассудным порывам афинян, был урезан в правах: Эфиальт, друг Перикла, провёл через Народное собрание уменьшение власти этих судей. Кимон был изгнан (461). Эсхил добровольно последовал за Кимоном. Великий трагик, утратив надежды, посвятив свой труд времени, отправился в Сицилию, в Сиракузы, куда Гиерон последовательно привлёк Пиндара, Симонида, Эпихарма и Вакхилида, оставив в Элладе рапсодов, которые пели его стихи с миртовой ветвью в руке.

С уходом Кимона Афины, всецело подчиняясь своему

неодолимому порыву, продолжали победы на Кипре, в Финикии, в Египте — до самого Мемфиса — и в Элладе у Галией, у Эгины, у Мегары. Вскоре Коринф, Эгина и Эпидавр, объединившись, вооружились против афинян. Те, сначала разбитые, затем овладели Трезеном и осадили Эгину. Чтобы отвлечь силы от Эгины, коринфяне двинулись на Мегару (460). Миронид, наскоро собрав новое войско, и афиняне трижды разбили врагов Города Паллады на Коринфском перешейке.

Вся Эллада пришла в волнение. Начинались гражданские войны, жестокие: Эгина против Афин, Коринф против Мегары, Аргос против Микен. Вопрос стоял ясно между теми, кто держал Пелопоннес, — ахейцами, дорийцами, спартиатами, лакедемонянами, — пришлыми завоевателями, угнетателями, и ионийцами, греками, отстаивавшими свою землю. По-моему, говорит Геродот совершенно ясно, ионийцы образовали союз двенадцати городов и не пожелали допустить больше по следующей причине: когда они жили на Пелопоннесе, они делились на двенадцать областей, как теперь делятся ахейцы, которые их изгнали.

ГЛАВА 5. — С 457 по 445 г. до н. э. — Артаксеркс I Долгорукий.

С 457 по 445 г. до н. э. — Артаксеркс I Долгорукий. — Спартанцы при Танагре. — Афиняне в Египте и Фессалии. — Возвращение и смерть Кимона. — Смуты. — Демократия и аристократия. — Религиозный вопрос. — Новые божества, герои и жрецы. — Юпитер, Аполлон и Вакх. — Олимпия и Дельфы. — Подчинение Паллады.

НАСЛЕДОВАВ Ксерксу, Артаксеркс I Долгорукий вознамерился восстановить империю. Он предложил спартамцам взять Аттику, чтобы отдать её им, подкрепив предложение немедленной присылкой сокровища. Спарта, поглощённая борьбой с мессенцами, ничего не ответила посланцу Артаксеркса и оставила сокровище у себя. Предупреждённый Перикл приказал ускорить завершение Длинных стен Афин.

Народ в Афинах был с Периклом, первым во всём, как скажет Фукидид, и в слове, и в деле. Вельможи, встревоженные влиянием Перикла, призвали отряд спартамцев, только что обосновавшийся в Фивах, чтобы вместе с ними остановить успехи афинской демократии. Спартанцы стали лагерем у Танагры, на границе Аттики. Афиняне устремились на них под началом Перикла. Столкновение было ужасным; схватка — стремительной и ожесточённой. Перикл сражался

превосходно. Измена фессалийцев отдала победу спартам.

Эту неудачу, последствия которой могли быть тяжкими, к счастью для Афин, уравновесили победа Миронида над беотийцами при Энофитах, отдавшая власть народной партии, и поражение Эгины. Затем (455) афинский флот сжёг Гитий, порт Спарты, осмелился бросить вызов Коринфу в водах его залива, разбил сикионцев и взял Навпакт. Спартанцы, неспособные одолеть защитников Итомы, только что заключили с ними соглашение. Афины отдали Навпакт этим мессенцам.

Тем временем перс Мегабиз, посланный Артаксерксом в Египет, изгнал греков из Мемфиса, нанеся им сокрушительное поражение. Полководец Царя царей, несмотря на победу, не сумел овладеть дельтой; жители болот, которых Фукидид считает самыми воинственными из египтян, отбросили ярмо. Но Афины потеряли свою эскадру из пятидесяти галер и прекраснейших воинов, из которых лишь немногие смогли добраться невредимыми до Кирены.

В Элладе афиняне также потерпели неудачу. Под началом Перикла, желая отомстить за измену фессалийцев при Танатре, они двинулись на север. Потерпев поражение, Перикл добился возвращения Кимона (453). — Эфиальт только что был убит. — Кимон добился от Спарты пятилетнего перемирия и отплыл с 200 галерами, чтобы осадить Китий и отправиться в Египет.

Под Китием Кимон умер (449). Увозя останки своего во-

жда, афинские моряки отважно разбили многочисленный вражеский флот, встреченный в водах Кипра; победители, высадившись, уничтожили войско, стоявшее лагерем на берегу. Эта двойная победа, совершенно нежданная, легендарная, где труп Кимона победил Азию, осталась в памяти греков как последний акт мидийских войн.

Афины плохо воспользовались этим успехом. По договору они согласились более не тревожить Артаксеркса, уступив ему Египет. Правда, Великий царь, со своей стороны, признал Эгейское море греческим морем. Не имея более общего врага, эллинские города стали воевать друг с другом. Зависть между городами осложнялась ненавистью, разделявшей партии. Рабы, занятые в ремёслах, которые греки презирали, приобретали значение, тогда как борьба партий, всегда кончавшаяся проскрипциями, уменьшала число граждан и питала шайки Мятежников, бродивших под стенами городов.

Города беднели, и всё заметнее становилось богатство жрецов Дельф и Олимпии. Богатый Пифо возбуждал алчность: Что до флота, говорили коринфяне, оказавшиеся под угрозой и лишённые кораблей, мы создадим его из частных средств каждого города и из сокровищ, хранящихся в Дельфах и Олимпии. А Дельфы, жившие своим храмом, некогда лишили владений киррейцев, державших порт и обирающих паломников. Чтобы обезопасить себя, дельфийцы заручились помощью Спарты. Стало известно, что фокидяне, со-

юзники Афин, только что захватили храм (449—448). Спартанцы поспешили туда; афиняне, в свою очередь, подоспели. Сначала победоносные спартанские воины были разбиты. Эта «священная война» усилила ненависть.

И вот недовольные аристократы Беотии, объединившись, принялись разорять города, где правил народ. Толмид, вопреки совету Перикла, выступил из Афин с отрядом помощи, был разбит и убит при Коронее. Это поражение уничтожило афинское влияние во всей Беотии. Эвбея отделилась (446), перебив экипаж афинской галеры. Перикл с 5.000 гоплитов покарал эвбейцев, лишил владений гиппоботов, богачей Халкиды, и роздал их имущество афинским беднякам.

Со времён Саламина, влача за собой ненависть, сопутствующую власти, Афины стали ненавистны своим союзникам. Их демократические снисхождения, их несправедливости, их презрение к праву, повсюду злобно обличаемые, возбуждали умы против них. Мегара захватила врасплох и перерезала свой афинский гарнизон; Спарта послала своего царя Плистонакта, под надзором Клеантида, разорять Элевсин. Встревоженный Перикл купил Клеантида и Плистонакта, которые вернулись в Лакедемон. Афиняне без всяких объяснений утвердили расход в 10 талантов, сделанный Периклом на оплату измены Плистонакта. С тех пор ежегодно подобная сумма, предназначенная для подкупа спартанских царей, утверждалась Народом.

Покарав Эвбею, Афины поступили со Спартой столь же неразумно, как с Артаксерксом: они возвратили свои завоевания — Нисею, Пегу, Трезен, Ахайю, — согласившись на десятилетнее перемирие (445). Афинские аристократы подготовили эту развязку. Афиняне сохранили Эвбею, свою житницу, и Эгину, стратегический пункт напротив Пелопоннеса; они не простили Мегаре ни резни, ставшей началом этой войны, ни унижения, которым она завершилась.

Отныне открытая борьба между аристократами и демократами, между Богатыми и Бедными, между Числом и Избранными, между Силой и Хитростью, заставляла жрецов, а следовательно, и богов, определить свою позицию. Вельможи требовали поддержки божеств; бедняки подсчитывали храмовые сокровища. Призванные защищаться от черни и дорого оценивать свои услуги, жрецы должны были вмешаться в общественную жизнь.

Со времён Гомера боги, хотя ещё смутно определённые или приписанные, были уже своего рода фигурами. Илиада, эта арийская Библия, засвидетельствовала олимпийский переворот. Ахейская религия и цивилизация заменили собой, с падением Трои, пеласгийские нравы и культы. Зевс Гомера, Юпитер Додоны, представлял первую, завершившуюся религию; Посейдон (Нептун) явился как финикиец-пришелец; Гера (Юнона) была самой Нацией, борющейся за своё существование; Афина (Паллада), восхитительный образ ума одновременно глубокого, спокойного и блистательного, высту-

пала из легенд: Идеи в становлении, материалы для лепки, поэзии для оживления, божества для завершения, если не для создания.

Арийцы были поистине погребены под развалинами Трои — Священной! — а уцелевшие, утраченные, пораженные немощью, безмолвствовали, и всё первобытное и здоровое в гомеровской традиции рассеивалось. Никто не осмеливался сказать, взирая на сами наименования продолжающих существовать божеств, что они выражали, что они были олицетворенными явлениями Природы.

Арийский Зевс, Индра первых времён, чьи атрибуты изливали на него блага света, сражавшийся с злотворными и мрачными силами ночи, позволяет превратить себя в восточного деспота, в Бога богов, подобно тому как Ксеркс в Сузах — Царь царей; — Гея, мать всего сущего, на прочных основаниях, древнейшая, питающая на своей земле всё, что существует, по гомеровскому определению, попирается ногами, она лишь рабыня; — Вакх Орфея, столь чистый, столь великий, столь радостный, осмеян: Откуда явилась к нам эта бабёнка? из какой страны? в этом странном наряде? — спрашивает Эсхил, и это ложный и лукавый Дионис Фив, взошедший на Дельфы с гибельными обрядами, соблазняющий, развращающий, использующий Венеру, сводящий с ума жриц.

Эллины захотели, чтобы божества были рядом с ними, живые, действующие. Земля и Небо были смешаны, по вер-

ному выражению Плутарха. Зевс — владыка; прочие боги правят по его велениям. Герои, связывающие этих олимпийских советников со стадом человеческого рода, суть сыновья богов или потомки сыновей божьих, которых аэды воспевают предпочтительно. Завистливые, капризные, требовательные, эти божества любят унижать то, что возвышается, говорит Геродот; вымышленные людьми, убивающими людей, они получили от своих создателей их собственную свирепость, их страсти, их пороки. Правдивых богов Ария больше нет: — Лгать во благо богам не противно. — Бывают обстоятельства, когда Небо прославляет обман.

Те, кто создал эти божества и кто ими пользуется, должны доказывать их вмешательство: Это Зевс обрушил мидян на эллинов; сам Артабаз уступил лишь божественному побуждению, велению сновидения. Так навязывают себя толкователи снов; их власть сравнивается с царской: Если ты обладаешь царской властью, говорит прорицатель у Софокла, мне всё же подобает отвечать тебе как равному. Главные прорицатели — в Дельфах. Феб-Аполлон говорит с людьми лишь через посредство своих служителей, своих жрецов, а жрецы определили плату за свои услуги: они требуют лучшую часть вражеской добычи; они требуют золотых венков.

Новые божества в Элладе любят пышность; их кокетство безгранично; их недовольства грозны, а кары жестоки, потому что жрецы пришли главным образом из Финикии, гордые своим Богом-владыкой, своим Богом единым — Элом, Илу,

Яо, Ваалом, — подразделённым на Ваалимов, как в Вавилоне, или составным: это Мелькарт, Ваал Тира (Мелех-Кирыят, царь города), который господствовал бы устрашающе, если бы Египет не смягчил своим влиянием отвратительный деспотизм этого чудовища.

Вокруг этого владыки и в противоборстве с ним — богини Нила, спокойные, чистые, рождающие, не теряя девственности, и боги Халдеи, похотливые — конус, лингам, фаллос, — заимствованные из африканского средоточия; и двойная Истар Тира, Асторет, кровожадная и сладострастная, приятная азиатам, олицетворяющая свирепость в исступлении или уничтожение в наслаждении, обслуживаемая жрицами, оспаривающая всемогущество у Мелькарта. Это борьба Геркулеса с Венерой.

Так как арийцы не могут отказаться от своего Индры, Юпитер остаётся; но это новый Зевс, который смеётся над голубями, оставляет безгласным дуб Додоны, который требует, безмолвный и грозный, полного подчинения. Этот Зевс есть всё: Зевс — эфир, Зевс — земля, Зевс — небо, Зевс — всё, что вверху и объемлет вселенную. У этого вселенского Юпитера есть своя священная роща — свой алтис (Aldos) — на Пелопоннесе, в Олимпии, где игры, основанные Геркулесом, развитые Пелопом, устроенные при Ифите, собирали эллинов каждые четыре года.

Дельфийские жрецы, имея против себя это торжествующее божество, этого дорийского Юпитера, претенциозного,

огромного, невыносимого для арийцев, превозносили Аполлона, своего рода недавнего Орфея, обольстительного и великолепного. Но так же как Зевс Додоны — этот Отец — был преобразован, обезображен финской грубостью завоевателей, пришедших с севера, так и Аполлон Ионии — как Адонис Библоса — уже не более чем восточная, азиатская формула. Ликийский Аполлон, тот радостный Феб, что золотым плектром заставлял звучать свою звучную кифару, чья лира из слоновой кости нежно, утешительно отвечала жалобным звукам, теперь, скрытый в своём храме, ставший коварным, косоглазым, мрачным, изливает бедствия, остаётся глух к стенаниям, намерен распоряжаться всем по своей воле, раздавать благо и зло по своему капризу: Одним я поврежу, другим приду на помощь, вращаясь среди бесчисленных племён жалких людей.

Еврипид хорошо показал противоборство между Дельфами и Олимпией, борьбу между Зевсом и Аполлоном и непредусмотрительную глупость дорийского Юпитера: И Зевс рассмеялся, когда сын его пришёл прямо к нему, желая получить богатый культ, и он согласился, потрянув волосами. Итак, Дельфы получили свой богатый культ; Зевс, как и предсказал Прометей, был низложен.

Святилище Дельф, прославленное и знаменитое, принимало паломников, приходивших со всех сторон, из Эллады и из чужих земель. Жрецы, подобно магам Мидии, проникнутые духом Ваала, сначала предлагали людям, чтобы при-

влечь их, все соблазны азиатского культа, а затем отсылали их устрашёнными, порабощёнными. Жрицы-помощницы этих эксплуататоров были финикиянками: Покинув море Тира, поёт хор у Еврипида, я пришла, раба Аполлона, в его храм, где он обитает, на снежные вершины Парнаса; и они омывали свои волосы, подобные золотому приношению, в прозрачной воде Кастальского источника, а Вакх вёл хоры и опьянение.

Гора Олимп, где Орфей некогда собирал своими песнями деревья и диких зверей, опустела. Боги, спустившись, оспаривают у людей богатства и власть. Юпитер в Олимпии, Аполлон в Дельфах, Вакх в Фивах — соперники.

Аполлон овладевает Вакхом; он влечёт его в Дельфы, использует и поглощает: Ты увидишь Вакха, говорит Тиресий, на дельфийских скалах, потрясающего и взмахивающего тирсом и факелами. Приобщённый к мистериям дельфийских дев, Вакх поведёт оргию, где, увенчанные плющом, ночью, эллины и варвары, паломники всех племён, всех званий, всех возрастов, предадутся новому злу, которым развращаются почтенные племена. — Поэтому я и Кадм, старики, над которыми ты насмехаешься, увенчаемся плющом и будем плясать, седовласая упряжка.

Аполлон-развратитель обитает у источника Касталии, средоточия земли. Вода источника с серебряными водоворотами омывает неутомимых Менад. Эхо, непрестанно поражаемое оргийными звуками, тревожит лебедя с пурпурной

лапой и прелестных птиц, что на вершине храма вили соломённые гнёзда для своих птенцов.

Новые алтари ничему не должны учиться и ничего не должны получать от природы. Своими стрелами Феб прогнал птиц; деревья безмолвны; Пифиец с блистающим луком, чей вещий храм украсится лаврами, сам будет говорить со смертными, открывая своими прорицаниями вещи настоящие и будущие. Тяжёлые двери храма со скрежещущим звуком будут открываться лишь тревожным паломникам, а полёт птиц, игра пламени, треск углей и содрогание жертв будут толковать лишь жрецы, гадалцы по внутренностям. На своём золотом треножнике пифия, дельфийская женщина, в тёмном дыму сжигаемой сухой мирры, под шум плясок, посреди святилища, общего для всей Эллады, пророчествуя, будет петь прорицания, которые открывает ей Феб, языком, понятным лишь жрецам, состоящим на службе бога.

Пророческий труд пифии выражался обычно гекзаметрами, мучительными, непостижимыми. Аполлон ведёт всё и распоряжается всем; это непогрешимый владыка и главный советник. Его знание безгранично; он осведомитель и судья; снисходительный и практичный, он говорит Эгею, как зачать ребёнка, и успокаивает Креза насчёт последствий трусости: О лидиец с изнеженными стопами, вдоль берегов каменистого Герма беги и не останавливайся, и не стыдись быть трусом.

Жрецы не только эксплуатировали бога; они эксплуатировали и самих себя, беззастенчиво. Когда спартамцам нужно

было спросить пифию, прорицательнице Периалле заплатили, чтобы ответ удовлетворил желание Клеомена. Властители городов, прославленные воины, очень богатые граждане предпочитали и поддерживали Дельфы, потому что жрецы были к их услугам. Народ, не ведая об этих сделках, устрашённый, приходил в храм. Это глупое попустительство Вельмож и этот увековеченный страх Простых увеличивали дельфийскую опасность.

Пифия, по примеру эскимосских колдунов, исторгала тайны будущего у говорящего пламени, идущего снизу, из глубин, из финского Аида — Маналы, — и этот ужас был новшеством. Подземный оракул сторожит дракон с пятнистой спиной, с красным глазом, покрытый медью, ужасное чудовище, рождённое землёй! На смену арийской молитве, кроткой, спокойной, личной, творимой перед увитым венками очагом, страх ставит мольбу задышающуюся, коллективную, исполненную боязни разорвать повязки бога.

Афины не избегают нашествия смешанных божеств. Они отделились Палладе, забыв, что вместе с аргосской Герой Паллада, враг Трои, погубила фригийцев; вообразив также, что достаточно пожелать, чтобы Эринии, перестав быть своей ужасною песнь, стали мирными Эвменидами. Эсхил, увы! снизошёл до прославления этого заблуждения. Более прозорливый Еврипид в своей трагедии «Вакханки» скажет, как Орфей, этот истинный бог арийцев, был покинут и как Вакх Фив и Дельф, с его азиатскими неистовствами и африкан-

ским распутством, пришёл в Афины служить Венере-Афродите. Вакхические опьянения навязывали себя: Без вина нет больше Киприды, и никакое наслаждение не остаётся людям. Вакхическое безумие, исступление Вакха захватит всё; оно будет распространяться, как от укуса пса, и медные щиты отступят перед этими вакханками с тирсами; у воинов подломятся колени, и ночные ужасы отдадут народ во власть прорицателей.

Через странствующего Вакха Аполлон сеет свою пропаганду. Явившись в Дельфы бродягой, привлечённый богатствами, созданными чужим трудом, Феб-Аполлон помышляет лишь о своей сокровищнице: Если вы прольёте перед храмом кровь жертвы и желаете спросить Феба, войдите! но если не заколите овцы, вы не проникнете в обитель.

Эксплуатации эллинов вскоре уже недостаточно честолобью дельфийских жрецов; помощь чужеземцев показалась им необходимой. Оценив своё влияние, они продавали его врагам греков. Так они получали, по окончании вызванных ими войн, в случае поражения эллинов — цену своего вмешательства, в случае победы греков — причитавшуюся им долю добычи.

Измены, которые охотно считались политическими актами и которые, впрочем, трудно было точно изобличить, не возмущали политиков, всегда готовых испросить, потребовать или выторговать подобную же услугу. Иначе обстояло с гражданскими послаблениями, вызывавшими возмущение:

Дурно, говорит Ион у Еврипида, чтобы в одном месте праведный и виновный имели одинаковые права перед богами. А виновные приносили больше жрецам, раздавателям индульгенций и отпущений. Быстро обогатившись, служители Феба вскоре стали черпать воду Кастальского источника золотыми урнами.

Дельфийские жрецы владели многочисленными рабами, вооружёнными, обязанными содержать и охранять храм. Ужасные кары грозили святотатцам и ворам: Захваченных живьём пригвождали к дверям за грудь, отдавая на растерзание хищным птицам. Обычной была казнь побитием камнями.

Великое спокойствие Дельф контрастировало с волнениями Эллады. Несовместимость племён держала во вражде различные группы эллинов, а внутри этих групп обострялось соперничество. В Дельфах же, напротив, единая цель — господство над Элладой, над миром, над всем сущим, чьим пупом были Дельфы, — держала в тесном единении и жрецов, и прорицателей, и служителей, равных в мечте об общем честолюбии: Знай, отец, говорит Ион-Аполлон у Еврипида, знай, какими благами я здесь владею. Прежде всего покой, столь сладостный людям, и мало трудов; никакой злодей меня не тревожит, и нет у меня невыносимого сожаления уступить дорогу тем, кто ниже меня.

Дельфийские жрецы с полным основанием считали себя царями: Итак, дельфийские Цари единодушно постано-

вили... И богиня афинян, в свою очередь подвергшись дельфийскому всемогуществу, совершив неизбежное паломничество, должна была подчиниться, если не унизиться: Я, Паллада, прихожу (в Дельфы) из отчизны, носящей моё имя, из Афин...

ГЛАВА 6. — С 445 по 429 г. до н. э. — Перикл.

С 445 по 429 г. до н. э. — Перикл. — Имперские Афины. — Восстание Самоса и Византия. — Колонии. — Аспасия. — Новые афиняне: моряки, ремесленники, крестьяне. — Вельможи и простолюдины. — Толпа. — Доносчики и подозреваемые. — Влияние слова. — Монархия, олигархия, республика.

ПРОСТОЙ стратег, но весьма популярный, Перикл правил афинянами. Город Паллады, владыка Эгины и Эвбеи, которые были словно морскими крепостями, защищавшими Аттику, надзирающий над Фракией через Фасос, над Македонией через Эйон, над Херсонесом и севером Эгейского моря через бдительных колонистов, над Азией, наконец, через Наксос, — Афины гордились тысячью городов, подвластных их славе, многочисленными союзниками, процветающими колониями.

Эта своего рода верховная власть, заменившая союз, конфедерацию, подготовленную Аристидом, явилась следствием предложения, сделанного Кимоном союзным городам и принятого ими, — вносить деньгами стоимость войск, которые они должны были поставлять. Это новшество подорвало силу Союза, уменьшив число содержащихся воинов, унизив

подчинённые города и приучив афинян получать денежную дань, подобно царям Азии.

Великолепные и простые времена, когда торжественными жертвоприношениями, символическим бросанием железного шара в синие волны обширного моря эллины скрепляли свою дружескую помощь, миновали; Афины теперь высчитывали выгоды своих триумфов и, город торговый, продавали безопасность; они не без удовольствия взирали, как там и сям плавают финикийские флоты — вражеские, но чья постоянная угроза обеспечивала поступление дани.

Союзные города, впрочем, почти все ведшие крупную торговлю, охотно терпели эту охраняемую зависимость и внушали афинянам обманчивую уверенность. Самос, весьма важный, предложил перенести в Афины общую казну, охрану которой Аристид поручил жрецам делосского храма (460). И однако же именно Самос первым проявил нетерпение. Вероятно, подстрекаемые посланцами Артаксеркса, самосцы выдали мидянам свой афинский гарнизон. Этот дерзкий удар был обдуман заранее, ибо афинские воины, тотчас отправленные туда, уже не нашли на Лемносе заложников, отвечавших за верность самосцев. Византий поступил как Самос. Глашатаи повсюду возвещали восстание против верховенства афинян.

Афины вооружили 60 кораблей и назначили десятерых полководцев — среди них Перикла и Софокла, — которым поручалось покарать Византий и Самос, следя за финикий-

ским флотом, благоприятствовавшим самосцам и, без сомнения, подчинённым Великому царю.

Осада Самоса длилась девять месяцев. Перикл прославился здесь как инженер, изобретая машины для разрушения и опрокидывания стен. Лишь голод одолел осаждённых. Противников одушевляла самая яростная ненависть; в обоих лагерях пленников клеймили раскалённым железом. Ни Великий царь, ни пелопоннесцы не пришли на помощь составшим. Эта двойная измена могла бы вернуть самосцев в союз, если бы жестокости, совершённые обеими сторонами во время борьбы, не разделили союзников окончательно. С падением Самоса Византий покорился.

Перикл, гордый этим успехом, который он присвоил себе, утратил меру: он утомлял море прогулками своих победоносных кораблей и был беспощаден в подавлении. Он хотел повсюду торговых и военных колоний, мечтал о своего рода организованной империи. Византий, Фурии, Орей, Халкида, Наксос, Андрос, Амфиполь, Синопа, Амис и т. д. должны были, по его замыслу, стать стратегическими, имперскими пунктами. Так как Аттика не могла прокормить своих жителей, Перикл возвёл в систему раздачу земель колонистам. Остров Эгина был таким образом роздан целиком. Но эти афинские колонии с первого же дня приходили в смятение от разнородных, чужеземных элементов, и верность колонистов вскоре стала измеряться лишь щедростью услуг метрополии.

Перикл, не бывший даже архонтом, господствовал лишь авторитетом своего гения. Он превосходно видел всё, что возможно было осуществить с афинским Народом в тот миг, и хотел совершить это чудо. Весьма спокойный, весьма осмотрительный, весьма рассудительный, с неукротимым упорством в исполнении своей общей мысли, он, кажется, не помышлял об огромном расходе — слишком раннем — скрытых сил, сбережённых умов, молодых энергий, об истощении людей и вещей, которое он готовил. Гордость Афин усиливала его собственную гордость; он собирался потрясти Грецию — как сказал Аристофан — и исчерпать казну веков. Его слово, сильное, чёткое в утверждениях, было исполнено изящества, когда он спорил, разом покаяя противника и воспламеняя друга. Евполид говорит, что доводы Перикла оставляли жало в душе. Его учитель Зенон научил его искусству метать молнии, как Юпитер, облекать красноречием поразительное плодородие своего ума.

Красноречие Перикла имело огромное влияние. В эллинском языке было лишь одно слово — «логос» — для выражения мысли, рассуждения и слова. Но когда обнаружилось, что слово есть сила, родилось ораторское искусство, и появились ораторы, в особенности из Сицилии, которые разорвали связь между словом и мыслью и стали пользоваться красноречием как орудием или оружием.

Спокойный, напоказ ведший скромный и размеренный образ жизни, чуждый шумных удовольствий, весь отданный

своему делу, равнодушный — по крайней мере с виду — и к оскорблениям, и к лести, Перикл шёл своим путём, созидая славу Афин, имея рядом с собой, можно сказать, в учениках — Фидия, Еврипида, Софокла, Протагора, Зенона, Анаксагора, Сократа, а возле себя, как друга, — свою вторую жену, ионянку Аспасию из Милета, совершенную подругу.

В великолепном замысле Перикла весь мир сосредоточивается в Элладе, а Эллада сводится к Афинам, своего рода музеем и училищу, куда должно было стекаться и где должно было постигаться всё великое и прекрасное. Еврипид выражает эту осуществлённую мечту: Весь город — школа Греции! При Перикле Афины — это весь город, а не только акрополь, твердыня Паллады.

Древний Град, весьма египетский, старая Земля Кекропа, пеласгийская в основании, открытая всем, благоприятная путешественникам и благодаря деятельной любознательности афинян, и благодаря неисчерпаемой, неисправимой арийской доброжелательности, смешивался с разными племенами. Паллада, пришедшая из Ливии, сохраняла здесь своё одеяние, с эгидой, но подпадала под финикийское влияние. Из Навплии в Аргосском заливе и из Кранои в Лаконии тирские купцы, — некогда прибежавшие за раковинами, дающими пурпур, — во множестве перебравшись в Пирей, а затем в Афины, распространили там дух Финикии, плачевный.

Перемены были заметны. Афиняне уже не считали себя

арийцами. Геродот заявляет, что пеласги Града Паллады стали эллинами и что ионийцы избегают этого наименования. Арийские общины Аттики, независимые, знаменитые при Кекропе и первых царях, вплоть до Тесея, более не существуют. Изгнанники и опальные всех городов, принимаемые почти как сограждане, приходили со своими буйствами; люди из разных стран, допущенные к общественной жизни, в постоянном соприкосновении, но не сливаясь, препятствовали единению; тогда как настоящие греки, нищие, голодные, покидали родину. Отсюда — эта подвижная цивилизация афинян после мидийских войн.

Этнографическая неопределённость не была неприятна честолюбцам. Фукидид делает справедливое замечание, что если население городов многочисленно и смешано, то перемены правлений и прибавление новых граждан встречают там мало затруднений. Основание Пирея, этих морских Афин, внесло в афинскую жизнь буйство морского люда, войска Моряков, людей без узды, как говорит Еврипид, скорых на зло, но и на добро, когда захотят, что требовало надзора. Ремесленники — эти каменщики Аристофана, ходящие по городу с мастерком за спиной, как носят детей, — ставшие требовательными и значительными, нуждались в обходительности. Крестьяне, прославленные при Марафоне, не покинувшие своих полей, но дорожившие своими правами, вмешивались с мыслями, исполненными неловкости, — тревожные, подозрительные, скупые, порой сожалевающие,

что сражались с мидянами, которые, быть может, дали бы им безопасность, — были опасны. И к тому же рассказы, которые разносили о пытках, применявшихся к побеждённым в Азии, об ужасной участи, уготованной там красивейшим юношам, превращаемым в евнухов для службы сатрапам, прекраснейшим девам, отдаваемым Царю царей, ужасали и подламывали мужество.

В городе происхождение, кровь уже не были порукой: Я видел, говорит Орест у Еврипида, как сын благородного мужа оказывался ничтожеством, а превосходные дети рождались от порочных. Демократы и аристократы стояли друг друга. Сословия имели право оспаривать друг у друга власть. Дух торгашества, с его исключительным вкусом к барышам, страстью к наживе, ослеплял: Молись и приноси жертвы, писал Гесиод, говоря как равви Израиля, молись и приноси жертвы, чтобы, не продавая своего наследия, ты мог, напротив, купить чужое; и это было для многих единственной религией. Плутос, обходящий всю землю и хребет широкого моря, был богом. Неправедные прибыли, некогда осуждавшиеся, становились извинительными, потому что богатство давало народное расположение, необходимое для управления.

Благодаря Гражданам Город стал живой, действующей личностью. Весь народ — Аргос ввёл это новшество — был ответствен за деяние, совершённое городом. Разве царь Пеласг не совещался в присутствии всех собравшихся граж-

дан? Разве во времена монархов вина царей не искупалась всегда народами? Упразднение царской власти вытекало из этого простого размышления. Приходя на Агору по зову раковин — на Агору, где мужи становятся славными, говорит Гомер, — и поднимая руки для утверждения постановлений, Народ не должен был медлить с требованием права исполнять собственные решения через свободное изъявление своей воли. Толпа тяготела к царской власти.

Слепая, капризная, слишком чувствительная, часто злобная, порой ужасная, толпа внушала страх. Множество — бедствие, говорит Еврипид: навлечь его порицание значило погибнуть; выдать ему врага значило обеспечить жестокую месть. Ничто не было грознее подозрения. Некогда в народной массе была доброта, ибо Народ — это был Город, но подлинный и единственный город, и весь город: Мы страшимся молвы мужчин и женщин, читаем в «Одиссее». Вплоть до эгинского несчастья, — когда именно женщины отомстили за поруганную родину, заколов застёжками единственного воина, осмелившегося пережить этот позор, — матери и супруги участвовали в общественной жизни; после этого они перестали вмешиваться, и то был последний отблеск исчезающего арийства. Добрая слава зависела отныне исключительно и грубо от мужчин.

Новое оружие было тем опаснее, что им располагали тысячи рук. Личная вражда и своекорыстные интересы диктовали обвинения и преследования. На смену убийцам пришли

доносчики, куда более страшные. Долги улаживались клеветой, предающей заимодавца смерти. Рабы, годные на всякие услуги, развращали своих господ. Обвинения в продажности, ставшие всеобщими — и такими лёгкими! и такими удобными! — подтачивали репутации. Фукидид мог написать с ужасающей простотой выражения: Когда выдвигается обвинение в нечестности, гражданин становится подозреваемым, даже если выигрывает дело, а если проигрывает, то слышит разом и неловким, и бесчестным.

Республика была добычей клеветников, потому что Народ был подозрителен. Ничто уже не делалось для общего блага без того, чтобы не искали выгоду, которую мог иметь от этого сильный человек. Это был бы непоправимый нравственный беспорядок, если бы старая арийская честь, для которой приемлемо всё, кроме позора, которая выносит всё, кроме насмешки, не восставала в этом смятении против бесстыдного торгашества финикийцев, утончённой дикости азиатов, грубости дорийцев. Страх перед насмешкой, перед осмеянием, более жестокий, чем смерть, удерживал афинян; он заменял им стыд. Слава божественно построенного города служила уздой: Я знаю их дух и их природу, говорит Иолай у Еврипида, они скорее умрут, ибо честь ценится выше жизни среди людей достойных.

Рабы или игрушки своих живых впечатлений, афиняне должны были подпасть под влияние ораторов. Любя говорить, самонадеянные краснобаи, по словам Геродота, все эл-

лины считали себя способными к управлению. И говорили без конца! Старики, ставшие раздражительными, давали дурные советы; споры кончались состязаниями в красноречии; словесные битвы заставляли поносить великих людей; призывали мёртвых, чтобы критиковать и побивать живых. Так как никто не мог оставаться равнодушным, у каждого спорщика была своя партия; и действительно, всякий афинянин, чуждый общественных дел, считался существом бесполезным и был презираем. Язык становился главным оружием: ораторы метали слова, как стрелы. Слово одолевает всё, говорит Еврипид, не хуже, чем железо врагов.

Эти неизлечимые, глубокие язвы исчезали в проявлении греческого гения. Слава Афин росла и ширилась. Восхищались, завидовали афинянам, избавившимся от тирании, ставшим свободными, чей характер, живой, впечатлительный ум, равно любящий полезное и прекрасное, умел с поразительной быстротой, несравненной ловкостью, совершенным вкусом, чудесным пониманием вещей сообразовывать свои действия с требованиями положений.

Афины, какими их хотел видеть Перикл, — школа Греции, средоточие эллинского мира, — Фукидид превосходно описал, идеализировав: Наш город открыт для всех; никакой закон не отстраняет от него чужеземцев и не запрещает им ни учения, ни зрелищ. Мы не боимся, что, поскольку ничто не скрыто, враг воспользуется тем, что сможет увидеть; ибо мы рассчитываем не столько на приготовления, на дол-

го обдуманнные хитрости, сколько на собственную отвагу в действии. И далее: В наших государственных установлениях мы не стремимся подражать законам других народов; мы сами служим образцом, а не подражаем другим. Имя нашего правления — Демократия, ибо власть принадлежит не малому числу, а множеству. В спорах между частными лицами для всех существует равенство перед законом; что же до почёта, то он достаётся дарованию в каждом роде, и к избранию на общественные должности ведёт не столько знатность, сколько личные достоинства; бедность, незнатное положение не являются помехой, коль скоро человек может оказать какую-либо услугу государству.

Прозорливые, патриоты не поддавались влиянию этой риторики; они знали недостаток единства и постоянства ионийцев, которых считали неспособными управлять собой ни в мире, ни на войне, и в равной мере страшились как правления дорийцев, подчиняющих всё государству, так и правления Народа, жертвующего государством ради личности; вот почему они пытались в Афинах примирить царский деспотизм Лакедемона с общественной вольницей эолийцев. Чрезвычайная подвижность афинян оправдывала эти попытки.

Именем Афин, чьим деспотом и одновременно демократическим представителем он является, Перикл завладел плодородными землями, которые восполняют бесплодие Аттики; он оживил и создал колонии, которые будут благоприятство-

вать торговле; он учредил общественную казну; он заменит тленную веру — сила земли истощается, говорит Софокл, вера гибнет, вероломство растёт и сменяет её! — религией Искусства, культом Прекрасного.

Эллада, которая на протяжении трёх поколений страдала от всех возможных бед, как от персов, так и от выдающихся мужей, оспаривавших друг у друга верховную власть, трепетала от радости при мысли, что можно избавиться от тиранов. Спартанцы, видя опасность и владея тогда оракулами, старались укреплять аристократические правления в городах. Соответственно, отовсюду Вельможи, чьей власти грозила опасность, обращались к Лакедемону, тогда как Артаксеркс, царствовавший в Сузах, открывал свои сокровища врагам афинского народа.

Великим эллинским делом, увлекательным, грозным, был выбор наилучшего правления: монархического, олигархического или республиканского? Геродот излагал условия задачи с более чем осторожной беспристрастностью, не делая вывода, не выбирая: Как может монархия быть хорошо управляемым государством, говорит Отан, если она позволяет человеку, у которого нет возражающих, делать всё, что он хочет? Я подаю голос за то, чтобы мы упразднили монархию и возвысили множество к власти, ибо всё заключено в великом числе. — Ничто, отвечает Мегабиз, ничто не бывает столь же нерассудительным и наглым, как пустая толпа, и поистине нестерпимо, чтобы люди, желающие избежать надмен-

ности монарха, подпадали под наглость беспорядочного народа! Изберём собрание лучших людей и отдадим ему верховную власть. — Из этих трёх форм, предположенных наилучшими, говорит в свою очередь Дарий, — отличного народа, олигархии, монархии — я утверждаю, что последняя намного лучше всех. Ибо ничто не предпочтительнее одного отличного человека. Он ведёт себя достаточно благоразумно, чтобы управлять безупречно; а главное — он умеет хранить тайну своих решений от внешних врагов.

Перикл, по-видимому, мечтал быть этим монархом, благоразумным правителем и таинственным стратегом, каким его определил Дарий у Геродота, оставляя афинянам видимость и игру республиканского устройства. Что ему было до царского титула, если он пользовался всеми полномочиями царской власти? Думаешь ли ты, говорит Софокл в своём «Эдипе», что можно предпочесть властвовать среди ужасов тому, чтобы спокойно спать, обладая той же властью? Я же, конечно, предпочитаю делать то, что делают цари, не будучи царём.

ГЛАВА 7. — С 445 по 429 г. до н. э. — Афинская Империя.

С 445 по 429 г. до н. э. — Афинская империя. — Столичный город. — Памятники. — Художники и купцы. — Двор Перикла. — Празднества. — Семья в Афинах. — Гостеприимство. — Гетеры. — Рабство. — Земледелие, торговля, промышленность, мореплавание. — Богатые и бедные. — Народ. — Юношество.

КРОМЕ Хиоса, Самоса и Лесбоса, союзные города платили дань афинянам, и каждый из них, исполненный зависти, помышлял о том, как бы от неё избавиться. В Афинах возвышение Перикла, ставшего владыкой Народа, тревожило аристократов, ибо Народ — это было сто тысяч душ: рабов, метеков и чужеземцев.

Постройка стен уже придала городу ассирийский облик; теперь же Перикл повелел начать архитектурные работы, призванные превзойти художественную славу Мемфиса, Фив, Ниневии и Вавилона. Аристократы вскоре обвинили Перикла, всецело поглощённого своим трудом и черпавшего полными горстями из общественной казны, в намерении позолотить и разукрасить город, как кокетливую женщину, которую осыпают драгоценными камнями. Перикл ответил, что если афиняне поддержат порицания Вельмож, он

один возьмёт на себя расходы на заказанные работы, но тогда лишь его имя будет высечено на камнях воздвигнутых памятников, как делали в Египте фараоны.

Народ был за Перикла великолепного, за Перикла, который вместе с Эфиальтом дал афинянам первенствующую долю в управлении Городом. И тотчас свершилось греческое чудо:

На высшей точке акрополя, откуда взор охватывал часть Аттики и живое, сияющее море, усеянное островами, и горы Пелопоннеса в голубоватой дымке ясной дали, вознёсся Парфенон, это сокровище (445—437), с пропилеями (437—431), этим чудом. Древний храм Афины-Полиады — Эрехтейон, — сожжённый войсками Ксеркса, надлежало восстановить, и зодчие начали храмы Деметры в Элевсине, Афины на Сунии, Немесиды в Рамнунте. Фидий, руководивший этими работами, изваял трёх Минерв — одну из слоновой кости и золота, двух других из бронзы, — колоссальных, вызвавших восхищение мира, тогда как фасосец Полигнот украшал росписями портик Пёстрый и храм Тесея.

Одеон, предназначенный для музыкальных состязаний, построенный по линиям обширного шатра Ксеркса, был завершён одновременно с Парфеноном (437), чтобы праздновать в нём панафинейское торжество, этот великий народный праздник.

Эти памятники господствовали над городом, над новыми Афинами, быстро отстроенными, но плохо возведёнными,

где каждый построил себе дом маленький, незаметный, хорошо замкнутый, поставленный как попало, без мысли об общем плане. Кефис и Илисс, с их поющими водами и цветущими берегами, придавали прелесть этому беспорядку, а благоуханные холмы, покрытые оливами, лаврами и виноградниками, были вокруг как бы амфитеатром, у подножия которого на юге простиралась равнина, ведущая к морю.

Перикл велел построить новую стену, параллельную стене, соединявшей Афины с Пиреем; по этому коридору в двести метров, хорошо защищённому, город протянулся к порту, который милетец Гипподам только что перестроил. Пирей, теперь прорезанный улицами под прямыми углами, полный народа, отданный торговле всех родов, шумной борьбе купцов и таможенников, моряков и менял, оставлял Афины торжествующим художникам, ворочающим золотом и мрамором, и встревоженным философам, вызревающим свои мысли в тёплой тени портиков или, печальным мечтателям, успокаивающимся под прохладой платанов у воды.

Весь во власти своего вдохновения, город Афины, хорошо задумавший своё величие, осуществлял его. Врождённая арийская мудрость, налагавшая на художников простоту и гармонию, творила Прекрасное, тогда как Пирей, открытый всякому ввозу, принимал из Азии, особенно из Финикии, огромные грузы нечистот, которые, выгружаясь, пропитывали эллинскую землю.

В его правление — можно так выразиться — у Перикла

были Софокл и Еврипид, могучие трагики; Лисий, знаменитый оратор; Геродот, необычайный хронист; астроном Метон; поразительный Гиппократ; Аристофан, столь трудный для оценки; Фидий, мастер; живописцы Аполлодор, Зевксис, Полигнот и Паррасий; философы Анаксагор и Сократ; и как следствия: Фукидид, Ксенофонт, Платон, Демосфен.

Наслаждаясь своим успехом, Перикл видел, как со всех сторон к Городу Минервы стекается столько же любопытных, сколько паломников могло быть в Дельфах. Привлекали празднества самые величественные, наслаждения ума самые утончённые и в то же время самые оживлённые. Фукидид вкладывает в уста Перикла слова, что Афины «учредили празднества, дабы смягчать в сердцах меланхолию жизни». У Паллады были свои панафинеи; у Цереры — свои мистерии; у Юпитера — свои торжества; у Венеры и Адониса — адонии. Масса чужеземцев приходила главным образом на апатурии, справлявшиеся в октябре.

Пеласгийские и египетские по своим истокам, ставшие весьма азиатскими, Афины сопротивлялись финскому — дорийскому — влиянию благодаря ненависти, державшей их вдали от Спарты; они стали бы совершенно финикийскими, если бы Писистрат не дал им греческую Библию — Гомера — и если бы не жил Перикл.

Воспитание юных афинян хорошо подготовило это сопротивление. Уроки грамматики, музыки и гимнастики — всё обучение — одновременно дисциплинировали учеников и

обогащали их память. Чтение наизусть поэтов возбуждало, воспаляло умы, которые музыка возвращала к порядку и мере, тогда как гимнасий, утомляя мышцы, обуздывал воображение. Слабость, однако, проистекала из этого воспитания: умственные наслаждения, ощущаемые прежде всего и слишком легко, порождали вечное желание Нового и тем самым отдавали изысканную чувствительность афинян во власть всякой эксплуатации.

Общественная жизнь, столь опасная для юных умов, уже не уравнивалась семейной жизнью, какую вели арийцы, — своего рода малыми общинами, куда всё приходило и где всё сливалось. У новых афинян Отец был теперь деспотом, Великим царём, и прекрасный закон сыновнего послушания, естественного, о котором говорит Софокл, стал здесь самым строгим из обязательств. Отец семейства, отрекаясь от своего потомства, мог дойти до того, чтобы обречь своих дочерей на девство. Следствием этого злоупотребления властью было то, что сын, став супругом, замещённым деспотом, оттеснял отца. И старики, перед которыми некогда никто не смел заговорить первым, заканчивают жизнь, лишённые власти, сидя у источников, играя в игры своих внуков.

Дети более не носили имени матери, но имя мужа, а юные девушки, которых поэты воспевали тогда, когда они, свободные, со щеками, осенёнными выющимися локонами, в лёгких пеплосах, своей очаровательной наивностью и восхитительным кокетством столь ясно возвещали свою искреннюю

и чистую любовь, теперь тщательно оберегаемые, будут выходить замуж лишь под покрывалом, как в Азии, подвергаясь обманчивым обрядам, увенчанные миртом, маком и мятой, посвящая богам сезамовый пирог, символ многотрудного плодородия.

Свободной женщины первых времён, какой она ещё была у фокидян и локрийцев; женщины, чьё мнение создавало героев; афинянки Еврипида — Да будет угодно богам, чтобы женщина, родившая меня, была афинянкой, дабы я по матери имел право говорить свободно, — более не существует: муж — единственный господин.

И дети, которых некогда видели на улицах идущими в школу музыки, нагими среди зимы, сомкнутыми в стройном порядке, когда снег падал крупными хлопьями, чьи ноги никогда не умащались маслом и которые играли на ярком солнце летом, строя дома, вырезая лодки, сооружая маленькие кожаные повозки, превосходно делая лягушек из гранатовой коры; которые были опорами домов, якорями семей, — стали хилыми, взращиваемыми, как сады, они — забота, тревога, скука, бремя: бремя чрева, как говорит Ион у Еврипида.

Перестав заключаться свободно, браки стали следствием обсуждённых расчётов. Страх возможной ошибки вёл к суевериям; и для совершения браков были благоприятные лунные циклы. Дева вскоре стала лишь обузой; брак — риском. — Из всех, кто дышит и имеет мысль, говорит Медея у Еврипида, мы, женщины, самые несчастные. Сначала нам нужно

купить мужа за деньги и принять господина над нашим телом... И той, что принимает новые обычаи и подчиняется новым законам, нужно быть прорицательницей, чтобы узнать, каким будет её муж, чего она не могла узнать сама.

Затворённые, невежественные, юные афинянки уже не ходили к синей воде стирать свой пурпурный пеплос и не расстилали на мягкой траве и тростнике, под золотым блеском Гелиоса, покрывала из Сидона; и они уже не ткали своими руками свои простые одежды. Критское платье, короткое и лёгкое, фригийский хитон из мягкой шерсти, идейские плащи, чьи украшения составляли лишь линии, сменились искусно сработанными, вышитыми или расписными платьями, отяжелёнными бахромой, по моде азиатизированной Ионии, и искусными драпировками из прозрачных тканей Аморгоса, ярких цветов, дававших афинянкам средство соперничать в глазах своих супругов с обольщением чужеземок. Они украшали свои уши драгоценностями, хрустальными и золотыми серьгами, как делали в египетских Фивах с ручными крокодилами; и под широкой фессалийской шляпой, перенятой потому, что она защищала лицо от света, они вкалывали в связанные волосы, как отличительный знак, золотую цикаду Аполлона.

Это необходимое, выставленное напоказ кокетство, ведущее к расходам, мучило истинного афинянина, весьма бережливого, весьма аккуратного, и роняло достоинство женщины — падшей, униженной, ревливой, становившейся же-

стокой. Соблазны всякого рода отвлекали супруга от тревог, которые порождала покинутая женщина. В этой борьбе воспитание юных девушек становилось ущербным, доброе имя матерей вредило свадьбам дев. Браки слишком торопили. Эти союзы, где неопытность супруги соединялась с беспокойством супруга, давали лишь плачевные семьи; малейшая домашняя неприятность выражалась в них бесповоротными сожалениями: Невыносимо видеть своих детей больными, говорит Адмет, или своё брачное ложе опустошённым, когда можно было провести всю жизнь без детей и без жены.

Мужчины принижали женщин — мать, супругу, сестру — на азиатский лад, и женщины, оказавшись под угрозой, объединялись для защиты. Им приходилось соединяться против пленниц, рождающих их мужьям незаконных сыновей, или против гетер; они призывали на помощь родных и друзей, и отсюда проистекали ссоры, домашняя ненависть, жестокая, которую уже ничто не могло унять.

Эти женские союзы становились школами разврата: — Одна ради выгоды развращает другую; та, что уже согрешила, хочет, чтобы грешили вместе с ней, и многие поступают так из бесстыдства. Вот как смущаются жилища мужей. — Женщины, пришедшие из Азии, приносили в Афины то смешение халдейских похотей и эфиопских излишеств, которое составляло распутство Финикии, её нравы и культы; но самое непоправимое зло афинянки получили от женщин Спарты, от женщин, пришедших с севера вместе с влады-

ками Лакедемона, которые, грубые в своей любви, одержимые вождением к мужчине, неспособные достойно переносить, молчаливо терпеть боль, исходящую от Киприды, давали непрестанный пример недопустимых вольностей: Вне дома, говорит Еврипид, спартанки, с обнажёнными бёдрами, с распущенным хитоном, предаются бегу и борьбе с юношами... нужно ли удивляться, что вы не воспитываете целомудренных жён!

Древнее уважение к преданиям и сила арийских чувств сохранялись в Афинах, поддерживая там основу общества. С не меньшей охотой согласились бы видеть исчезновение саламинской галеры, — хотя её и перестраивали несколько раз целиком, часть за частью, — чем отказаться от обычаев. Несмотря на личные разорения, например, гостеприимство оставалось у афинян законом: проходящий чужеземец считался у них неприкосновенным, как потерпевший кораблекрушение. «Одиссея», с её необычайным приёмом, оказанным шестидесяти женихам, имела значение закона. Ни у одного афинянина не было итакского дворца, но хозяин воздавал утончённостью приёма за гомеровскую щедрость. Медвежьи и львиные шкуры сменились шерстистыми, тёплыми коврами; обширный двор — прохладным садом, лёгкой листвой пальм, тенистыми лаврами, зеленеющей священной оливой.

Увенчанные листьями, смешанными с цветами, гости приходили на пир, а слуги, внося кратеры и корзины, зажи-

гая огонь, расставляя чаши вокруг очага, наполняли жилище шумом. Самые сокровенные празднества становятся шумными у беспокойных народов. Тогдашняя афинская жизнь не казалась подлинной жизнью; загробное оставалось ещё неизведанным, и люди одурманивали себя, чтобы не слышать голоса мудрецов, отгоняли мысль о будущем едой, питьём, любовью: Веселись, пей, живи сегодняшним днём и остальное предоставь судьбе! Чти также Киприду, сладчайшую из богинь для смертных!

Праздник Чаш, справлявшийся в память гостеприимства, оказанного Оресту, был главным: Они наливали в чаши, одинаковые между собой, полную меру вина и веселились, едя и пия. Песни звучали, пока полные чаши шли справа налево; затем пляски под звуки флейты выражали сладострастные возможности плоти. Эти греки, чья трезвость стала унижительной перед способностями завоевателей Трои, принимали варёное мясо, тяжёлое, пьянящее, и великое угощение древних времён — жареных птиц, просто поданных на стол, — приходило к ним лишь политое сладким и жирным соусом, сдобренным искусно составленными для жажды приправами. На этих празднествах чрева музыка становилась ненужной: Где радостные пиры, которым служит песня? Радость пира достаточна для улады смертных!

Потому после трапезы одни, пьяные, засыпали, другие играли в кости, в коттаб — который вёл к новым возлияниям; — одни предлагали загадки, по египетскому обычаю, другие

вызывали возлияния в честь личного гения каждого гостя, смешанными винами, налитыми в огромные сосуды с длинными ушками, наполненные до краёв. Это был культ фиванского Вакха: — Как может бог, говорит Циклоп у Еврипида, находить удовольствие в том, чтобы избрать своим жилищем бурдюк? — Вакх не выбирал себе этого храма; ему его навязывали.

Гостеприимство расширялось сверх меры; друзей больше не выбирали; новых друзей принимали лучше, чем старых, к которым привыкли. Болтливое опьянение, мать ударов и злых ссор, обнажало дурные инстинкты. — Зеркало тела, говорит Эсхил, — это блеск бронзы; зеркало души — это вино. — Пьянство, пришедшее с Севера, становилось эллинским злом.

Женщины Эллады, окончательно отстранённые от всякого участия в делах духа, злобные или жалобные — одни ужасные в своём мщении, как Медея, другие невыносимые в своих стенаниях, или же алчные до роскоши и гордые, как Елена, или похотливые до отчаяния арийской стыдливости, как Федра Еврипида, или сжигаемые яростным дыханием Киприды и преступные, как Клитемнестры, любящие убийства и отравления, распутные, непобедимые в коварстве, презираемые и внушающие страх, бесчестящие и разоряющие очаги, — были извергнуты из жизни. И пока женщины объединялись для защиты или мести, мужчины, ответственные перед судом за поступки своих жён, считая их

общественной опасностью, отстраняли их.

Без умных гетер, гордых своей свободой, внимательных к своему личному достоинству, которых принимали Афины, глупая северная белокурая дикость, тупость Менелаев и грубое тщеславие Агамемнонов уничтожили бы в зародыше блистательное творение Перикла. Женская красота, в самом деле, была уже лишь причиной несчастья, роком, опасностью. Победители в кулачном бою, в борьбе получали сначала быков, затем женщину. Девы, добытые как военная добыча или предмет мены, уже не нравились пресыщенным, ставшим восточными людьми грекам, и те покупали гетер, по крайней мере образованных, известных, порой прославленных, льстящих тщеславию не меньше, чем желанию покупателя, как это делалось у иудеев. И главным образом Египет снабжал эллинов. Гетеры Навкратиса, обыкновенно грациозные, как говорит Геродот, пользовались великой славой. — Ум женщин, говорит Еврипид, не чужд музам. — Художники брали женщину такой, какой она была, ко благу Афин. Несносная Ксантиппа Сократа объясняет и оправдывает Аспасию, подругу Перикла.

Распространение рабства ускоряло крушение нравственного чувства. Илоты в Спарте, кониподы в Эпидавре, коринфянки в Сикионе, пенесты в Фессалии, афамииоты на Крите и т. д., рабы, происходившие из битв, судов или нищеты, захваченные, купленные или подобранные, развращали своих господ, мстя таким образом. Служанки становились сообщ-

ницами своих господ, а то и толкали их ко злу; они подносили им приворотные зелья, вводили их в грех, словно заставляя платить своим падением за унижение остриженных волос.

В городах кормилицы и педагоги — рабы — вытесняли отца и мать. Тщетно афиняне пытались возвысить рабское племя, прославляя преданных слуг; те исподтишка скрывали испытанный позор, которого не прощали. Вне городов раб заменял крестьянина — того земледельца, о котором говорит Еврипид, который не хочет больше таскать свой согнутый вдвое спинной хребет и дрожащие колени, которого влечёт Город, который бросает чужеземцу обработку земли, труд у мельницы, сбор олив. Это великая опасность для Эллады: Будут ли за нас рабы, спрашивает Орест у Еврипида, если мы одержим верх? Старик отвечает: Это в природе рабов. Имея рабов повсюду, господа были обязаны всегда побеждать.

Афинские порты вытеснили промышленный Тир; торговля ширилась. Большие торжища, своего рода ярмарки, где азиатская мука и персидское золото обменивались на произведения формирующейся Европы, продолжались в Пирее. Эллада предлагала лес своих чаш — дуб, вяз, тополь, ясень, сосну, бук, — железо Лаконии, медь Эвбеи, серебро Аттики, золото Фракии и драгоценный мрамор, добытый в горах; крестьяне привозили во множестве сушёный виноград — выставленный под Гелиосом — и уложенный в сосуды,

сыры из «створоженного молока», отжатые в тростниковых корзинах, мегарский чеснок, ягнят, связанных ивовыми прутьями, все произведения природы и мёд, приготовленный с тамариском и пшеницей.

Ткани, которые женщины ткали на станке, ахейские плащи из тяжёлой шерсти, вышитые материи, кованое и полированное железо, лаконские ключи с тремя зубцами и прославленные спартанские замки служили для оплаты коз Наксосу и Скиросу, милетских овец, фригийских пеплосов и плодов, анарской соли, железа халибов, ливийских зверей, африканских фиников, эфиопского золота и слоновой кости, египетского зерна, сирийских и аравийских благовоний, распространявших божественный запах, индийского хлопка, жёлтого янтаря сардов и знаменитых азиатских вин, из армянской области, откуда приходили также мулы, лошади и рабы — юные девушки и юноши, — ибо лидийцы издавна приводили на рынок собственных дочерей.

Крупный обмен уже не допускал лёгких сделок, и железо и золото, представлявшие ценность вещей, обращались повсюду — от железной монеты Византия до серебряных драхм, чеканенных с совой Паллады. Мелкие монеты служили для доплат, и торговцы держали их во рту. Сосуды вина служили монетой, и оценщики приобретали значение.

Торговали не только в Пирее, на рынке, в порту, но и в Афинах, на улицах, вплоть до Агоры. Пробырки золота и менялы, повсюду сидя со своей раскладной доской на зем-

ле, облегчали сделки. Всё это движение было финикийским — деятельным, шумным, бесчестным. Лихорадка наживы, быстро используемая весьма ловкими посредниками, делала состояния неустойчивыми. Законы обогащения ускользали от разумения арийцев, которые не защищались. Афинских купцов постоянно застигали сроки платежей, пожирали проценты по сделанным ими займам, опутывали закладные, разоряли описи имущества.

Было известно, что Африка соединена с Азией лишь узким перешейком, что Красное море и Атлантическое море суть одно и то же море. Быстрые корабли имели теперь поприще от Балтики до Индийского океана. С тех пор как фокейцы, вооружив суда на пятьдесят вёсел, положили начало великому мореплаванию, торговые суда отличались от боевых трирем. На смену сосновым кораблям, робко ходившим вдоль берегов, пришли широкие и тяжёлые суда, полные драгоценных предметов, крепко сколоченные, окрашенные в красный или синий цвет, имевшие имена, известные, оспаривавшие друг у друга славу быстроты или прочности. Коринфские корабли с длинными ряями; критские суда с белыми крыльями; длинные самосские суда; египетские барки из акации; пузатые наксосские суда в виде жуков и огромные афинские корабли большой вместимости оспаривали первенство у финикийского торгового флота, быстрого, заставляющего шуметь волны, но плохо управляемого.

Канаты из Библоса, из белого, крепкого льна; тяжёлые,

толстые египетские тросы; двойные якоря, выкованные в Элладе, составляли оснастку. Матросы орудовали сосновыми вёслами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.